

Дойл А. К.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:

Дядя Бернак
Тайна Клумбера
Роковой выстрел

Артур Конан Дойл. Собрание сочинений

Артур Конан Дойл

**Дядя Бернак. Тайна Клумбера.
Роковой выстрел (сборник)**

«Алгоритм»

1883, 1897, 1888

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Дойл А.

Дядя Бернак. Тайна Клумбера. Роковой выстрел (сборник) /
А. Дойл — «Алгоритм», 1883, 1897, 1888 — (Артур Конан Дойл.
Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02950-9

Артур Конан Дойл (1859–1930) – всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе. В данный том вошли роман «Дядя Бернак» и две повести «Тайна Клумбера» и «Роковой выстрел».

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02950-9

© Дойл А., 1883, 1897, 1888
© Алгоритм, 1883, 1897, 1888

Содержание

Дядя Бернак	6
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	31
Глава VII	36
Глава VIII	40
Глава IX	45
Глава X	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Артур Конан Дойл
Дядя Бернак. Тайна
Клумбера. Роковой выстрел**

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2010

* * *

Дядя Бернак

Глава I Берег Франции

Я смело могу сказать, что прочел письмо моего дяди не менее ста раз, и вполне уверен, что выучил его наизусть. Тем не менее я снова вынул его из кармана и, сидя у борта парусного судна, принялся пробегать его так же внимательно, как и в первый раз. Оно было написано резким, угловатым почерком человека, начавшего жизненный путь деревенским стряпчим, и было адресовано на имя Луи де Лавалья. При этом забота о немедленной доставке письма адресату была возложена на Вильгельма Харгрева, владельца гостиницы «Зеленый Человек» в Эшфорде и многочисленных бочек не оплаченного пошлиной коньяка с берегов Нормандии. Вместе с бочками прибыло и письмо, попавшее таким образом в мои руки.

«Мой дорогой племянник Луи, – так начиналось письмо, – теперь, когда скончался твой бедный отец и ты остался один в целом свете, я уверен, что ты не захочешь продолжать вражду, которая исстари существовала между членами нашей семьи. В эпоху революции во Франции твой отец открыто перешел на сторону короля, тогда как я всегда был на стороне народа. Ты знаешь, к каким печальным результатам привел этот поступок твоего отца: он был принужден покинуть страну. Я же сделался владельцем имения Гросбуа. Я понимаю, как тяжело тебе было примириться с потерей родового имения, но сознайся, что все же лучше видеть это имение в руках одного из родственников, чем посторонних людей. Смею тебя уверить, что от меня, брата твоей матери, ты не можешь встретить ничего, кроме любви и уважения. А теперь позволь мне дать тебе несколько полезных советов. Ты знаешь, я всегда был республиканцем, но с течением времени для меня стало очевидным, что борьба против власти Наполеона совершенно бесполезна. Понимая это, я был принужден перейти к нему на службу, – недаром говорят: с волками жить – по-волчьи выть. С моими способностями я быстро сумел войти в доверие Наполеона; мало того, я стал самым близким другом этого человека, для которого он сделает все, чего бы я ни пожелал. Ты, вероятно, знаешь, что в настоящее время Наполеон во главе своей армии находится всего в нескольких милях от Гросбуа. Если бы ты хотел поступить к нему на службу, несомненно, он забудет враждебное чувство к твоему отцу и не откажется вознаградить услуги твоего дяди. Несмотря на то что твое имя несколько запятнано в глазах Императора, я имею на него настолько большое влияние, что сумею все устроить к лучшему. Послушай меня и приезжай сюда с полным доверием, так как вполне можешь положиться на преданного тебе дядю.

К. Бернак.»

Таково было письмо, но, собственно говоря, меня поразило и взволновало не само письмо, а обратная сторона его. Оно было запечатано четырьмя печатями красного сургуча, и, очевидно, дядя употребил в виде печатки большой палец, потому что на сургуче ясно были видны следы грубой, облупившейся кожи. На одной же из печатей было написано по-английски «*Не приезжай*». Если эти слова были поспешно нацарапаны дядей ввиду каких-нибудь неожиданных изменений в его планах, то к чему было посылать письмо? Вернее, что это предостережение делалось каким-нибудь другом, тем более что письмо написано на французском языке, тогда как роковые слова – на английском. Но печати не были взломаны, – следовательно, в Англии никто не мог знать содержания письма.

И вот, сидя под парусом, развевавшимся над моей головой, наблюдая зеленоватые волны, с мерным шумом ударявшиеся о бока судна, я стал припоминать все, некогда слышанное мною об этом неведомом для меня дяде Бернаке.

Мой отец, гордившийся своим происхождением от одной из наиболее старых фамилий Франции, женился на девушке, обладавшей редкой красотой и душевными качествами, но более низкого происхождения. Правда, она никогда не дала ему повода раскаиваться в совершенном поступке; но зато ее брат, человек с низкой душой, был невыносим своей рабской угодливостью во время благоденствия нашей семьи и злобной ненавистью и неприязнью в тяжелые минуты. Он восстановил народ против моего отца и добился того, что отец был вынужден бежать. После этого мой дядя сделался ближайшим помощником Робеспьера в его самых страшных злодеяниях, за что и получил в награду наше родовое имение Гросбуа.

С падением Робеспьера он перешел на сторону Борраса, и с каждой сменой правительства в его руки попадали все новые и новые земельные владения. Из последнего письма этого достойного человека можно было заключить, что новый французский император тоже на его стороне, хотя трудно предположить, что человек с такой репутацией, как дядя, да еще к тому же республиканец, мог оказать ему существенные услуги.

Вас, вероятно, заинтересует, почему же я принял предложение человека, изменившего моему отцу и бывшего врагом нашей семьи в течение многих лет? Теперь об этом легче говорить, чем тогда, но все дело в том, что мы, молодое поколение, чувствовали всю тяжесть, а главное, бесполезность продолжать раздоры стариков. Мой отец, казалось, замер на 1792 году и навсегда остался с теми чувствами, которые неизгладимо запечатлелись в душе под влиянием событий этого года. Он как будто окаменел, пройдя через это горнило.

Но мы, взросшие на чужой земле, поняли, что жизнь ушла далеко вперед, что явилась возможность не жить тем отдаленным прошлым, воспоминаниями о счастливых годах жизни в родном гнезде. Мы убедили себя, что необходимо забыть распри и раздоры прошлого поколения. Для нас Франция уже не была страной избиений, производимых санкюлотами, страной бесчисленных казней на гильотине. Нет, теперь это время было далеко.

В нашем воображении родная земля вставала, окруженная ореолом славы; теснимая врагами со всех сторон, Франция призывала рассеянных повсюду сынов своих к оружию. Этот воинственный призыв волновал сердца изгнанников и заставил меня принять предложение дяди и устремиться по водам Ламанша к дорогим берегам родины. Сердцем я всегда был во Франции и мысленно боролся с ее врагами. Но пока был жив мой отец, я не смел открыто высказать это чувство: для него, служившего под начальством Конде и сражавшегося при Квибероне, такая любовь показалась бы гнусной изменой. После его смерти ничто не могло удерживать меня вдали от родины, тем более что и моя милая Евгения, ставшая впоследствии моей женой, также настаивала на необходимости идти туда, куда призывал нас долг. Она происходила из старинного рода Шуазелей, еще более ненавидевших Францию после изгнания из нее, чем даже мой отец. Эти люди мало заботились о том, что происходило в душе их детей, и в то время как они, сидя в гостиной, с грустью читали о победах Франции, мы с Евгенией удалялись в сад, чтобы там наедине предаться чувству радости, охватывавшему наше существо. В уголке унылого каменного дома, близ окошка, совершенно скрытого густо разросшимися кустами, мы находили приют по ночам. Наши взгляды и мнения шли совершенно вразрез с взглядами окружающих нас лиц; благодаря этому мы жили совершенно отчужденно от других, что и заставило нас глубже понимать и ценить друг друга, находя взаимно нравственную поддержку и утешение в тяжелые минуты. Я делился с Евгенией своими замыслами и планами, а она укрепляла и ободряла меня, если видела меня приунывшим. А время все шло да шло, пока наконец я получил письмо от дяди.

Была и другая причина, заставившая меня принять приглашение дяди: положение изгнанника нередко доставляло мне невыразимые мучения. Я не могу пожаловаться на англи-

чан вообще, потому что по отношению к нам, эмигрантам, они выказывали столько сердечной теплоты, столько истинного радушия, что, я думаю, не найдется ни одного человека, который не сохранил бы о стране, приютившей нас, и о ее обитателях самого приятного воспоминания. Но в каждой стране, даже в такой культурной, как Англия, всегда найдутся люди, которые испытывают какое-то непонятное наслаждение в оскорблении других; они с гордой радостью отворачиваются от своих же ближних, попавших в беду. Даже в патриархальном Эшфорде нашлось немало лиц, которые всячески старались досаждать нам, эмигрантам, отравляя нашу и без того тяжелую жизнь. К числу их можно было причислить молодого кентского помещика Фарлея, наводившего ужас на город своим буйством. Он не мог равнодушно пропустить ни одного из нас, чтобы не послать вдогонку какого-нибудь оскорбления, и притом не по адресу французского правительства, чего бы можно было ожидать от английского патриота; нет, эти оскорбления обыкновенно задевали главным образом нас, французов. Часто мы должны были спокойно выносить его гнусные выходки, скрывая в глубине души накопившую злобу; мы молча выслушивали все насмешки и издевательства Фарлея над нами, но наконец чаша терпения переполнилась. Я не мог выносить дольше и решил проучить негодяя. Однажды вечером мы собрались за табльдотом гостиницы «Зеленый Человек». Фарлей был там же; опьяневший почти до потери человеческого образа, он по обыкновению выкрикивал слова, оскорбительные для нас. При этом я заметил, что Фарлей не сводил с меня глаз, вероятно, желая посмотреть, какое впечатление производят на меня его оскорбления.

– Теперь, господин Лаваль, – крикнул он вдруг, грубо кладя руку на мое плечо, – позвольте предложить вам тост, который вы, вероятно, не откажетесь разделить. Итак, за Нельсона, пожелаем ему наголову разбить французов!

Фарлей стоял передо мною с бокалом, нахально усмехаясь: он ожидал, что я откажусь от подобного тоста.

– Хорошо, – сказал я, – я согласен выпить ваш тост, но с условием, что вы выпьете со мной тот тост, который я предложу вам после.

– Прекрасно, – сказал он, протягивая руку с бокалом.

Мы чокнулись и выпили.

– А теперь я в свою очередь осмелюсь предложить вам тост. Я пью за Францию и желаю ей победы над Нельсоном!

Стакан вина, брошенный мне в лицо, был ответом на эти слова, и через час мы уже дрались на дуэли. Я прострелил навывлет его плечо, и в эту ночь, когда я пришел к окошечку заброшенного дома – месту наших встреч с Евгенией, – она держала несколько лавровых веток, в изобилии росших под окном, и вплела их в мои волосы.

Местная администрация не нашла нужным вмешиваться в происшедшую между нами дуэль, но во всяком случае, мое положение в городе становилось тяжелым: дальнейшее пребывание в нем было невозможно, и вот это-то и было последним толчком, побудившим меня без малейшего колебания принять предложение дяди наперекор странному предостережению, которое я нашел на конверте. Если действительно влияние дяди на императора было настолько велико, что он мог дать мне возможность вернуться на родину, заставить его забыть о причинах моего изгнания, – тогда падала единственная преграда, отделявшая меня от родной страны.

Все время, пока эти соображения занимали мой ум, пока я со всех сторон рассматривал свое положение, свои виды и планы на будущее, я находился на палубе небольшого парусного судна, которое несло меня туда, где некогда я был счастлив в кругу своей семьи и где впоследствии пережил немало тяжелых минут. Эти размышления были неожиданно прерваны: передо мной стоял шкипер и грубо тянул меня за рукав.

– Вам пора сходить, мистер, – сказал он мне.

В Англии меня приучили к оскорблениям, но я никогда не терял чувства собственного достоинства. Я осторожно оттолкнул его руку и сказал, что мы еще очень далеко от берега.

– Вы, конечно, можете поступать, как вам заблагорассудится, – грубо ответил он, – но я дальше не поеду. Потрудитесь сойти в лодку и отправляйтесь вплавь.

Я совершенно напрасно приводил ему разные доводы, говорил, что мною уплачено за проезд до берегов Франции. Я, конечно, не добавил, что деньги, врученные ему за проезд, были выданы мне за часы, принадлежавшие трем поколениям Лавалей, и эти часы покоились в настоящее время у одного ростовщика в Дувре.

– Однако довольно! – вдруг вскрикнул он. – Спускать парус, сложите его! А вы, мистер, можете или оставить мое судно, или вернуться со мной в Дувр; я не могу приблизиться к рифам, не подвергая опасности «Лисицу», особенно при том ветре, который подымается с юго-востока, угрожая перейти в бурю.

– В таком случае я предпочитаю сойти, – сказал я.

– Вы можете поплатиться за это жизнью, – возразил он и засмеялся так вызывающе, что я чуть не кинулся к нему с целью проучить нахала. Но я был совершенно беспомощен среди матросов, которые, я знал по опыту, быстро переходят на кулачную расправу, если им что-либо не по вкусу. Маркиз Шамфор рассказывал мне, что когда он впервые поселился в Саттоне, в эпоху эмиграции, то ему выбили зубы за одну лишь попытку высказать свое отрицательное отношение к таким господам. Волей-неволей я примирился с печальной необходимостью и, пожав плечами, сошел в приготовленную для меня лодку. Мои пожитки были сброшены туда же вслед за мной. Представьте себе, наследник именитого рода де Лавалей, путешествующий с маленьким свертком в виде багажа! Два матроса оттолкнули лодку и ровными, медленными ударами весел направили ее к низменному берегу.

По-видимому, предстояла бурная ночь. Черные тучи, заставшие от нас последние лучи заходящего солнца, внезапно разорвались, и клочки их с оборванными краями быстро мчались по небу, распространяясь по всем направлениям и заволакивая все густой мглой, которую на западе прорезывал огненно-красный блеск зари, казавшийся гигантским пламенем, окруженным черными клубами дыма. Матросы время от времени поглядывали на небо и затем на берег. В эти минуты я боялся, что они повернут назад из опасения перед бурей. Какой тревогой наполнялась моя душа, когда кто-нибудь из них обращал свои тревожные взгляды на небо! Чтобы отвлечь их внимание от наблюдений за штормом, разыгравшимся на море, я начал расспрашивать их об огнях, все чаще и чаще прорезывавших тьму, окружавшую нас.

– К северу отсюда лежит Булонь, а к югу Этабль, – вежливо ответил один из гребцов.

Булонь! Этабль! В избытке радости я в первый момент утратил способность говорить. Сколько светлых, радостных картин пронеслось в моем мозгу!

В Булонь меня, бывшего еще маленьким мальчиком, возили на летние купания. Неужели же можно забыть все то милое прошлое, забыть, как я, маленький сорванец, чинно шагал рядом с отцом по берегу моря? Как удивлялся я тогда, видя, что рыбаки удалялись при виде нас! Об Этабли я сохранил иные воспоминания: именно оттуда мы были принуждены бежать в Англию. И пока мы шли из своего собственного дома, обреченные на изгнание, мучимые сознанием предстоящих нам бедствий и унижений, народ с неистовым ревом толпился на плотине, далеко выдававшейся в море, провожая нас взорами, полными ненависти и злобы. Кажется, я никогда не забуду этих минут! Временами мой отец оборачивался к ним, и тогда я присоединял свой детский голос к его мощному и повелительному голосу. Он приказывал им прекратить свои выходки против нас, потому что в слепом злобном неистовстве из толпы принимались бросаться камнями, и один из камней попал в ногу матери. Мы сами словно обезумели от гнева и ужаса. И вот эти милые сердцу места, где так беспечно протекло мое детство! Вот они справа и слева от нас; а в десяти милях от самого дальнего из них находится мой собственный замок, моя собственная земля в Гросбуа, которая принадлежала нашему роду гораздо раньше той эпохи, когда французы с герцогом Вильгельмом Завоевателем во главе отправились покорять Англию.

Как я напрягал свое зрение, силясь сквозь тьму, окружавшую нас, рассмотреть далекие еще башни наших укреплений! Один из моряков совершенно иначе понял ту напряженность, с которой я пытался пронзить тьму глазами, и, словно стараясь угадать мою мысль, заметил:

– Этот удаленный берег, простирающийся на весьма значительное расстояние, служит приютом многим, кому, подобно вам, я помогал высадиться здесь.

– За кого же вы меня принимаете? – спросил я.

– Это не мое дело, сударь. Существуют промыслы, о которых не принято говорить вслух.

– Неужели вы считаете меня контрабандистом?

– Вы сами говорите это; да, впрочем, не все ли равно, наше дело перевозить вас.

– Даю честное слово, что вы ошибаетесь, считая меня контрабандистом.

– В таком случае вы беглый арестант.

– Нет!

Моряк задумчиво оперся о весло, и, несмотря на тьму, я видел, что по его лицу пробежала тень подозрения.

– А если вы один из наполеоновских шпионов! – вдруг воскликнул он.

– Я шпион?!

Тон моего голоса вполне разубедил его в гнусном подозрении.

– Хорошо, – сказал он, – я совершенно не могу представить себе, кто вы. Но если бы вы действительно были шпионом, моя рука не шевельнулась бы, чтобы способствовать вашей высадке, что бы там ни говорил шкипер.

– Вспомни, что мы не можем жаловаться на Бонапарта, – заметил молчаливый до того времени второй гребец низким дрожащим голосом, – он всегда был добрым товарищем по отношению к нам.

Меня очень удивили его слова, потому что в Англии ненависть и злоба против нового императора Франции достигли своего апогея; все классы населения объединились в чувстве ненависти и презрения к нему. Но моряк скоро дал мне ключ к разгадке этого явления.

– Если теперь положение бедного моряка улучшилось настолько, что он может свободно вздохнуть, то всем этим он обязан Бонапарту, – сказал он. – Купцы уже получили свое, а теперь пришла и наша очередь.

Я вспомнил, что Бонапарт пользовался популярностью между контрабандистами, так как в их руки попала вся торговля Ламанша. Продолжая грести левой рукой, моряк правой указывал мне на черноватые, мрачные волны бушующего моря.

– Там находится сам Бонапарт, – сказал он.

Вы, читатель, живете в более спокойное время, и вам трудно понять, что при этих словах невольная дрожь пробежала по моему телу. Всего десять лет тому назад мы слышали это имя впервые. Подумайте, всего десять лет, и в это время, которое простому смертному понадобилось бы только для того, чтобы сделаться офицером, Бонапарт из безвестности стал великим. Один месяц всех интересовало, кто он, в следующий месяц он, как всеистребляющий вихрь, пронесся по Италии. Генуя и Венеция пали под ударами этого смуглого и не особенно воспитанного выскочки. Он внушал непреодолимый страх солдатам на поле битвы и всегда выходил победителем в спорах и советах с государственными людьми. С безумной отвагой устремился он на восток, и, пока все изумлялись знаменитому походу, которым он разом сделал Египет одной из французских провинций, он уже снова был в Италии и наголову разбил австрийцев.

Бонапарт переходил с места на место с такой же быстротой, с какой распространялась молва о его приходе. И где бы Бонапарт ни проходил, всюду враги его терпели поражения. Карта Европы благодаря его завоеваниям значительно изменила свой вид; Голландия, Савойя, Швейцария существовали только номинально, на самом деле страны эти составляли часть Франции. Франция врезалась в Европу по всем направлениям. Этот безбородый артиллерий-

ский офицер достиг высшей власти в стране и без малейшего усилия раздавил революционную гидру, пред которой оказались бессильными прежний король Франции и все дворянство.

Так продолжал действовать Бонапарт, когда мы следили за ним, переносившимся с места на место, как орудие рока; его имя всегда произносилось в связи с какими-нибудь новыми подвигами, новыми успехами. В конце концов мы уже начинали смотреть на него как на человека сверхъестественного, чудовищного, покровительствующего Франции и угрожающего всей Европе. Присутствие этого исполина, казалось, ощущалось на всей материке, и обаяние его славы, его власти и силы было так неотразимо в моем мозгу, что, когда моряк, показывая на темнеющую бездну моря, воскликнул: «Здесь Бонапарт!» — я посмотрел по указанному направлению с безумной мыслью увидеть там какую-то исполинскую фигуру, стихийное существо, угрожающее, замышляющее зло и носящееся над водами Ламанша. Даже теперь, после долгих лет, после тех перемен, которые года принесли с собою, после известия о его падении, этот великий человек сохранил свое обаяние для меня. Что бы вы ни читали и что бы вы ни слышали о нем, не может дать даже самого отдаленного представления о том, чем было для нас его имя в те дни, когда Бонапарт сиял в зените своей славы!

Однако как далеко от моих детских воспоминаний было все то, что я увидел в действительности! На севере выдавался длинный низкий мыс (я не помню теперь его названия); при вечернем освещении он сохранил тот же сероватый оттенок, как и коса с другой стороны, но теперь, когда темнота рассеивалась, мыс этот постепенно окрашивался в тускло-красный цвет остывающего раскаленного железа. В эту бурную ночь мрачные струи воды, то видимые, то словно исчезающие с движением лодки, попеременно взлетающей на гребень волны и опускающейся, казалось, носили в себе какое-то неопределенное, но злое предостережение. Красная полоса, разрезавшая тьму, казалась гигантской саблей с концом, обращенным к Англии.

— Что это такое, наконец? — спросил я.

— Это именно то, о чем я уже говорил вам, мистер, — сказал моряк, — одна из армий Бонапарта с ним самим во главе. Там огни их лагеря, и вы увидите, что между тем местом, где он находится, и Остенде будет еще около 12 таких же лагерей. В этом маленьком Наполеоне хватило бы мужества перейти в наступление, если бы он мог усыпить бдительность Нельсона; но до сих пор Бонапарт хорошо понимает, что не может рассчитывать на удачу.

— Откуда же лорд Нельсон получает известия о Наполеоне? — спросил я, сильно заинтересованный последними словами моряка.

Моряк указал мне куда-то вверх моего плеча, казалось, в беспредельную мглу, где, приглядевшись внимательнее, я рассмотрел три слабо мерцавших огонька.

— Сторожевые суда, — сказал он своим сиплым, надтреснутым голосом.

— Андромеда, сорок четыре, — добавил его товарищ.

Моя мысль все время вращалась около этой ярко освещенной полосы земли и этих трех маленьких огненных точек на море, находившихся друг против друга, представляя собою двух борющихся великанов-гениев лицом к лицу, могущественных властелинов каждый в своей стихии — один на земле, другой на море, готовых сразиться в последней исторической битве, которая должна совершенно изменить судьбу народов Европы. И я, француз душою, неужели я могу не понимать, что борьба на жизнь и на смерть уже предрешена! Борьба между вымирающей нацией, в которой население быстро уменьшается, и нацией быстро растущей, с сильным, пылким, молодым поколением, в котором жизнь бьет ключом. Падет Франция — она вымрет; если будет побеждена Англия, то сколько же народов воспримут ее язык, ее обычаи вместе с ее кровью! Какое громадное влияние окажет она на историю всех народов!

Очертания берега становились резче, и шум волн, ударявшихся о песок, с каждым ударом весла отчетливее звучал в моих ушах. Я мог вполне рассмотреть быстро сменявшийся блеск буруна как раз против меня. Вдруг, пока я вглядывался в очертания берегов, длинная лодка выскользнула из мглы и направилась прямо к нам.

– Сторожевая лодка, – сказал один из моряков.

– Билл, голубчик, мы попались! – сказал второй, тщательно прячась какой-то предмет в один из своих сапог.

Но лодка быстро скрылась из виду и со всей быстротой, какую могли ей сообщить четыре пары весел в руках лучших гребцов, понеслась в противоположном от нас направлении. Моряки некоторое время следили за нею, и их лица прояснились.

– Они чувствуют себя не лучше нас, – сказал один из них. – Я вполне уверен, что это разведчики.

– Должно быть, вы не единственный пассажир, направляющийся к этим берегам сегодня, – заметил его товарищ. – Но кто бы это мог быть?

– Будь я проклят, если я знаю, с кем была эта лодка. При виде ее я спрятал добрый мешок тринидадского табаку в сапог. Я уже имел случай познакомиться с внутренним расположением французских тюрем и не хотел бы возобновлять это знакомство. А теперь в путь, Билл!

Спустя несколько минут лодка с глухим неприятным шумом врезалась в песчаный берег. Мои пожитки были выброшены на берег. Я стоял около них, пока один из моряков, столкнув лодку в воду, прыгнул в нее и мои спутники стали медленно удаляться от берега.

Кровавый отблеск огней на западе совершенно рассеялся, грозовые тучи простирались по небу, и густая черноватая мгла нависла над океаном. Пока я следил за удалявшейся лодкой, резкий влажный, пронизывающий насквозь ветер дул мне в лицо. Завываниям его словно аккомпанировал глухой рокот моря. И вот в эту бурю, ранней весной 1805 года, я, Луи де Лаваль, на двадцать первом году своей жизни вернулся после тринадцатилетнего изгнания в страну, в которой в течение многих веков наш род был украшением и опорой престола. Неласково обошлась Франция с нами: за всю верную, преданную службу она отплатила нам оскорблениями, изгнанием и конфискацией имущества. Но все было позабыто, когда я, единственный представитель рода де Лавалей, опустился на колени на ее священной для меня земле и, в то время как резкий запах морских трав приятно щекотал мои ноздри, я прильнул губами к влажному гравия.

Глава II

Соляное болото

Когда человек достиг зрелого возраста, ему всегда приятно оглянуться назад, на ту длинную дорогу, которой он шел. Словно лента, простирается она перед ним, то освещенная яркими лучами солнца, то скрывающаяся в тени. Человек знает теперь, куда и откуда он шел, знает все извилины и изгибы этой дороги, порой грозившие ему, порой сулившие покой и отдых путнику. Теперь, пережив длинный ряд лет, так просто и ясно все кажется ему.

Много лет прошло, много воды утекло с тех пор, но никакой период моей жизни не представляется мне с такой поразительной ясностью, как этот бурный вечер. Даже теперь, когда мне приходится быть на берегу моря, когда солоноватый, специфический запах морских водорослей щекочет, как тогда, мои ноздри, я невольно мысленно переношусь к тому мрачному бурному вечеру, на влажный песок берега Франции, так неласково встретившей меня.

Когда я наконец поднялся с колен, первым моим движением было запрятать подальше кошелек. Я вынул его, чтобы дать золотой моряку, высадившему меня, хотя я нисколько не сомневался, что этот молодец был не только богаче меня, но к тому же имел более обеспеченные доходы, чем я. Сначала я было вынул серебряную полукрону, но не мог принудить себя дать ему эту монету и в заключение отдал десятую часть всего моего состояния совершенно постороннему человеку. Остальные 9 соверенов я с большими предосторожностями спрятал обратно и, присев на совершенно плоскую скалу с явными следами прилива моря, которое никогда не достигало самого верха ее, принялся обдумывать со всех сторон свое положение. Необходимо было решиться на что-нибудь. Я был очень голоден. Холод и сырость пробирали меня насквозь; резкий, пронизывающий ветер дул мне в лицо, обдавая с ног до головы брызгами воды, раздражавшей мои глаза. Но сознание, что я уже не завишу от милосердия врагов моей родины, заставило сердце мое радостно биться.

Положение мое, собственно говоря, было очень тяжелым. Я хорошо помнил, что наш замок находился милях в десяти отсюда. Явиться туда в такой поздний час, растрепанным, в мокром и грязном платье, явиться таким образом перед никогда не виданным дядей! Нет, вся моя гордость возмутилась против этого. Я представлял себе пренебрежительные лица его слуг при виде оборванного странника из Англии, возвращающегося в таком грустном виде в замок, который должен был ему принадлежать. Нет, я должен найти приют на ночь и только потом уже, на досуге, приняв по возможности приличный вид, предстать перед моим родственником.

Но где же найти приют от этой бури? Вы, вероятно, спросите, почему я не отправился в Булонь или Этабль. К сожалению, та же причина, которая заставила меня высадиться на этом берегу, мешала мне явиться туда, потому что имя де Лавалей находилось на первом месте в списке изгнанников. Недаром отец мой был энергичным предводителем маленькой партии лиц, приверженцев старого порядка, имевших довольно большое влияние в стране. И хотя я совершенно иначе смотрел на вещи, я не мог презирать тех, которые так жестоко поплатились за свои убеждения. Это совершенно особенная, весьма любопытная черта характера французов, которые всегда стремятся к тем, кто решился на большую жертву, и я часто думал, что если бы условия жизни были менее тягостными, Бурбоны имели бы меньше или, по крайней мере, менее благородных приверженцев.

Французское дворянство всегда относилось к Бурбонам с большим доверием, чем англичане к Стюартам. В самом деле, стоит только вспомнить, что у Кромвеля не было ни роскошного двора, ни больших денежных средств, которыми он мог бы привлекать людей на свою сторону, как это бывало при французском дворе. Нет слов, которые бы могли выразить, до чего доходила самоотверженность этих людей. Однажды я присутствовал на ужине в доме моего

отца; нашими гостями были два учителя фехтования, три профессора французского языка, садовник и, наконец, бедняк литератор в изорванном пиджаке.

И эти восемь человек были представителями высшего дворянства Франции, которые могли бы иметь все, что хотели, под условием забыть прошлое, отказаться от своих взглядов и мнений и примириться с установившимся новым строем жизни. Но скромный и, что грустнее всего, совершенно неспособный к правлению государь увлек за собой оставшихся верными Монморанси, Роганов и Шуазелей, которые некогда разделяли его величие, а теперь последовали за ним, не желая бросить своего государя. Темные комнаты изгнанного короля могли гордиться теперь новым украшением, лучшим, чем эти бесконечные гобелены или севрский фарфор, – прошло много-много лет, а я и теперь как сейчас вижу этих бедно одетых людей, полных достоинства, и благоговейно склоняю обнаженную голову перед этими благороднейшими из благородных, которых когда-либо давала нам история.

Посетить один из прибрежных городов, прежде чем я повидаюсь с дядей и узнаю, как будет принят мой приезд, – это значило бы просто отдаться в руки жандармов, которые всегда подозрительно относятся к странникам, прибывающим из Англии.

Добровольно прийти к новому французскому императору – это одно, а быть приведенным к нему полицией – это уже совсем другое. Я наконец пришел к тому выводу, что самое лучшее в моем положении – постараться найти пустую ригу или вообще какое-нибудь пустое помещение, в котором я мог бы провести ночь без помехи. Старики говорят, утро вечера мудренее; может быть, что-нибудь и придумаю относительно того, как мне попасть к дяде Бернаку, а через него и на службу к новому властителю Франции.

Между тем ветер все крепчал, переходя в ураган. Над морем царила такая тьма, что только по временам можно было видеть то там, то сям белые гребни волн, со страшным шумом разбивающихся о берег. Суденышка, которым я прибыл из Дувра, не было и в помине. Вдали, насколько мог видеть глаз, тянулись низкие холмы. Когда я пытался приблизиться к ним, я сразу заметил свою ошибку; окружавший все мутный полусвет преувеличивал несколько их размеры, так как в действительности это были простые песчаные дюны, на которых кое-где яркими пятнами выделялись кусты терновника.

Я медленно побрел через дюны с багажом в виде единственного свертка на плече, с трудом передвигая ноги по рыхлому, рассыпавшемуся песку, часто оступался, зацепляясь за ползучие растения. Я забывал на время, что мое платье было мокро, что мои руки положительно оледенели, стараясь вспоминать все страдания, все тягостные случаи и приключения, которые когда-либо происходили с моими предками. Меня занимала мысль, что когда-нибудь придет день, когда мои потомки будут воодушевляться при воспоминаниях о том, что случилось со мной. Во французских дворянских семьях история предков всегда свято сохраняется в памяти потомков.

Мне казалось, что я никогда не приду к тому месту, где прекратятся дюны, но когда я наконец достиг конца полосы дюн, страстное желание вернуться обратно загорелось в моей душе. Дело в том, что в этом месте море далеко вдается в берег и своими приливами образует здесь необозримое унылое соляное болото, которое и при дневном свете должно было подавлять своим унылым видом, а в такую мрачную ночь, в какую я видел его впервые, оно представляло собою мрачную пустыню. Сначала поразила меня болотистость почвы, я слышал хлопанье под ногами и с каждым шагом углублялся в вязкую тину, которая уже достигала мне до колен, так что я с трудом вытаскивал ноги.

Как охотно вернулся бы я назад к дюнам, но, пытаясь найти более удобный путь, я окончательно утратил всякое представление о месте, где находился, и в шуме бури мне казалось, что рокот моря раздается с другой стороны. Я слышал, что можно ориентироваться по звездам, но моя жизнь в Англии, полная тишины и спокойствия, не научила меня этому. Да, впрочем, если бы я и знал это, едва ли мог бы применить свои познания в данном случае, потому что

несколько звезд, которые сверкнули в небе, ежеминутно скрывались за быстро мчавшимися грозowymi тучами.

Я продолжал бродить по болоту, мокрый и усталый, все глубже и глубже погружаясь в эту засасывающую тину, так что невольно приходила в голову мысль, что моя первая ночь во Франции будет и последней и что я, наследник рода де Лавалей, обречен судьбой на гибель в этом ужасном болоте. Немало верст исходил я таким образом; иногда слой тины становился мельче, иногда углублялся, но ни разу я не выбрался на совершенно сухое место.

Вдруг я заметил в полумраке предмет, который заставил мое сердце забиться еще большей тревогой, чем прежде. Предмет, привлечший к себе мое внимание, заставил меня опасаться, что я нахожусь в заколдованном кругу, из которого не смогу выйти. Дело в том, что группа беловатого кустарника, которая неожиданно появилась передо мною, словно выросши из темноты, была именно та группа кустов, которую я уже видел час тому назад. Чтобы удостовериться в справедливости своего заключения, я остановился; искра, выбитая ударом кремня, на мгновение осветила болото, на котором ясно были видны мои собственные следы.

Таким образом, мои худшие опасения подтвердились; в отчаянии я стал смотреть в небеса, и там я в первый раз в эту ночь увидел клочок светлого неба, который и дал мне возможность выбраться из болота.

Месяц, выглянувши из-за тучи, осветил только ничтожное пространство, но при его свете я увидел длинную тонкую римскую цифру V, очень похожую на наконечник стрелы. Приглядевшись внимательнее, я сразу угадал, что это было стадо диких уток, летевших как раз по тому же направлению, куда шел я. В Кенте мне не раз приходилось наблюдать, как эти птицы в дурную погоду удаляются от моря и летят внутрь страны, так что теперь я не сомневался, что иду от моря. Ободренный этим открытием, я с новой силой пошел вперед, стараясь не сбиваться с прямого пути, делая каждый шаг с большими предосторожностями.

Наконец после почти получасового блуждания, с упорством и настойчивостью, которых я не ожидал от себя, мне удалось выбраться на такое место, где я почувствовал себя вознагражденным за все мое долготерпение.

Маленький желтоватый огонек гостеприимно светил из окошка. Каким ослепительным светом казался он моим глазам и моему сердцу! Ведь этот маленький язычок пламени сулил мне пищу, отдых, он, казалось, возродил меня, несчастного скитальца, к жизни. Я бросился бежать к нему со всей быстротой, на какую были способны мои усталые ноги. Я так иззяб и так измучился, что уже не размышлял о том, удобно ли искать приют именно здесь. Да, впрочем, я и не сомневался, что золотой соверен заставит рыбака или земледельца, обитавших в этом странном месте, окруженном непроходимым болотом, смотреть сквозь пальцы на мое подозрительное появление.

По мере приближения к избушке я все больше и больше удивлялся, видя, что болото не только становилось мельче, но, наоборот, топь была глубже, чем прежде, и, когда время от времени месяц показывался из-за туч, я мог ясно видеть, что изба эта находится в центре болота и вода живописными лужами окружает строение. Я уже мог рассмотреть, что свет, к которому я шел, лился из маленького четырехугольного окошечка. Внезапно этот свет ослабел, заслоненный от меня очертаниями мужской головы, напряженно вглядывающейся в темноту.

Два раза эта голова выглядывала в окно, прежде чем я дошел до избы, и было что-то странное в самой манере выглядывать и мгновенно скрываться, выглядывать снова и т. д. Что-то невольно заставляло меня удивляться непонятным телодвижениям этого человека и смутно опасаться чего-то. Осторожные движения этого странного субъекта, удивительное расположение его жилища производили такое странное впечатление, что я решился, несмотря на усталость, проследить за ним, прежде чем искать приюта под этой кровлей.

Меня поразило прежде всего, что свет исходил не только из окна, но, кроме того, из массы довольно больших щелей, показывавших, что строение это давно уже нуждалось в ремонте. На

мгновение я остановился, думая, что, пожалуй, даже соляное болото будет более безопасным местом для отдыха, чем эта сторожка или, может быть, главная квартира смельчаков-контрабандистов, которым, я уже не сомневался, принадлежало это уединенное жилье.

Набежавшее облако совершенно прикрыло месяц, и в полной тьме я без малейшего риска мог произвести рекогносцировку с большей тщательностью. На цыпочках приблизившись к окошку, я заглянул в него. Представившаяся моим глазам картина вполне подтвердила мои предположения. Около полуразвалившегося камина, в котором ярким пламенем пылали дрова, сидел молодой человек, поражающий красотой своего лица; он, по-видимому, совершенно углубился в чтение маленькой засаленной книжки. Его продолговатое, изжелта-бледное лицо обрамлялось густыми черными волосами, рассыпавшимися волнами по плечам. Во всей его фигуре сказывалась натура поэтическая, пожалуй, даже артистическая.

Несмотря на все опасения, я положительно был доволен, имея возможность наблюдать это прекрасное лицо, освещенное ярким пламенем, чувствовать это тепло и видеть свет, которые были теперь так дороги холодному и голодному путнику! Несколько минут я не сводил с него глаз, наблюдая, как его полные чувственные губы постоянно вздрагивали, как будто он повторял самому себе прочитанное. Я еще продолжал свои наблюдения, когда он положил книгу на стол и снова приблизился к окошку. Заметив в потемках очертания моей фигуры, он издал какое-то восклицание, которого я не мог расслышать, и принялся махать рукой в знак приветствия.

Минуты две спустя дверь распахнулась, и его высокая, стройная фигура показалась на пороге. Его черные как смоль кудри развевались по ветру.

– Добро пожаловать, дорогие друзья! – крикнул он, вглядываясь в темноту, приставив к глазам руку в виде козырька, чтобы предохранить их от резкого ветра и песка, носившегося в воздухе. – Я перестал надеяться, что вы придете сегодня, ведь я ждал два часа.

Вместо ответа я стал перед ним так, чтобы свет падал прямо на мое лицо.

– Я боюсь, сударь... – начал я, но не успел договорить фразу, как он с криком бросился от меня и через минуту был уже в комнате, с шумом захлопнув дверь перед моим носом.

Быстрота его движений и жесты представляли полный контраст с его внешностью. Это так поразило меня, что я несколько минут стоял совершенно безмолвно. Но в это время я нашел новый повод к большему удивлению. Как я уже сказал, изба давно нуждалась в ремонте; между трещинами и щелями, через которые пробивался свет, была щель во всю длину двери около петель, на которые она была насажена. Через эту щель я ясно видел самую дальнюю часть комнаты, где именно пылал огонь. Пока я рассматривал все это, молодой человек снова появился у огня, ожесточенно шаря обеими руками у себя за пазухой; потом одним прыжком он исчез за камином, так что я мог видеть только его башмаки и одетые в черное икры, когда он стоял за углом камина. Через мгновение он уже был в дверях.

– Кто вы? – крикнул он голосом, изобличавшим сильное волнение.

– Я заплутавшийся путешественник.

За этим последовала пауза; он словно размышлял, что ему делать.

– Вряд ли вы найдете здесь много привлекательного, чтобы остаться на ночлег, – вымолвил он наконец.

– Я совершенно истощен и измучен, сэр, и, я уверен, вы не откажете мне в приюте. Я часами скитался по соляному болоту.

– Вы никого не встретили там? – порывисто спросил он.

– Нет.

– Станьте несколько дальше от двери. Здесь дикое место, а времена теперь стоят смутные. Надо быть очень осторожным.

Я отошел на несколько шагов, а он приотворил дверь настолько, чтобы могла просунуться его голова, и в течение некоторого времени, не говоря ни слова, смотрел на меня испытующим взглядом.

– Ваше имя?

– Луи Лаваль, – отвечал я, думая, что будет безопаснее назвать свое имя без дворянской частицы «де».

– Куда вы направляетесь?

– Мое единственное желание найти какой-нибудь приют!

– Вы прибыли из Англии?

– Я пришел с моря.

Он в недоумении потряс головой, желая показать мне, как мало удовлетворили его мои ответы.

– Вам нельзя оставаться здесь, – сказал он.

– Но, может быть...

– Нет, нет, это невозможно!

– В таком случае скажите мне, пожалуйста, как я могу выбраться из этого проклятого болота?

– Это очень легко! Пройдя несколько сот шагов по тому же направлению, вы достигнете деревни. Вы уже почти выбрались из болота.

Он подвинулся на два или три шага, чтобы указать мне дорогу, и потом вернулся на свое место.

Я уже несколько отошел от него и его негостеприимной сторожки, как он позвал меня.

– Войдите, Лаваль, – сказал он уже совершенно иным тоном. – Я не могу бросить вас на произвол судьбы в эту бурную ночь. Идите погреться у огня и выпить стакан доброго коньяку – это вас укрепит и даст силу для дальнейшего пути.

Вы, конечно, хорошо поймете, что мне было не до пререканий с ним, хотя я положительно недоумевал, чем объяснить эту внезапную перемену.

– От всей души благодарю вас, сэр! – сказал я и последовал за ним в его хижину.

Глава III

Разоренная хижина

Как хорошо было сидеть около ярко пылавших дров, в защите от пронизывающих до костей ветра и холода, от которых закохенели мои члены! Но мое любопытство было настолько возбуждено, этот человек и его оригинальное жилище так занимали меня, что я забыл и думать о собственном комфорте. Внешность его самого, эти развалины, помещающиеся в центре болота, поздний час, в который он ожидал прибытия нескольких лиц, судя по его словам; наконец, загадочное исчезновение за камином – все это, согласитесь сами, невольно должно было возбуждать любопытство. Я не понимал, почему он вначале наотрез отказался принять меня, а потом предложил мне с самой подкупающей сердечностью отдохнуть под его кровом. Я совершенно недоумевал, как объяснить все это.

Во всяком случае, я решился скрыть мои чувства и принять вид человека, находящего совершенно естественным все окружающее и настолько погруженного в мысли о своем бедственном положении, чтобы не замечать ничего вне себя. Одного взгляда было вполне достаточно, чтобы окончательно убедить меня в догадке, промелькнувшей в моей голове при виде полуразрушенной хижины: она была совершенно не приспособлена для оседлой жизни и служила просто местом условных встреч. От постоянной сырости штукатурка на стенах совершенно облупилась, и на них во многих местах проступила зеленоватая плесень; в воздухе чувствовался резкий запах пыли.

Единственная, довольно большая комната была совершенно без мебели, если не считать расшатанного стола, трех деревянных ящиков, заплесневевших стульев и совершенно обветшавшего, вряд ли пригодного на что-нибудь невода, который загромождал собою весь угол.

Прислоненный к стене топор и расколотый на части четвертый ящик указывали, откуда взялись дрова для камина. Но мое внимание особенно притягивал стол: там около лампы стояла корзинка, из которой соблазнительно выглядывали окорок ветчины, коврига хлеба и горлышко бутылки. Хозяин хижины, словно извиняясь за свою холодность и подозрительность при первой встрече, своей любезностью старался заставить меня забыть первые моменты нашей встречи. Чем объяснить эту перемену в обращении со мной, я решительно не мог догадаться.

Высказав сожаление о моем грустном положении, он придвинул один из ящиков к свету и отрезал мне кусок хлеба и ветчины. Я продолжал наблюдать за ним, хотя его чувственные губы с низко опущенными углами улыбались самой искренней, задушевной улыбкой, глаза поразительной красоты постоянно следили за мною, словно желая прочесть на моем лице, кто я и как попал сюда.

– Что касается меня, – сказал он с напускным чистосердечием, – вы хорошо поймете, что в такое время каждый, мало-мальски понимающий дело коммерсант должен изобретать какие-либо способы, чтобы получать товары. Ведь Император, дай Бог здоровья, возымел желание положить конец свободной торговле, так что для получения кофе и табака без оплаты пошлиной приходится забираться вот в такие трущобы! Смею вас уверить, что и в Тюильрийском дворце можно без труда получить то и другое; сам Император выпивает ежедневно по десяти чашек настоящего мокко, прекрасно зная, что он не растет в пределах Франции. Бонапарт знает и то, что королевство, где произрастает кофе, еще не завоевано им, так что, если бы купцы не рисковали, беря на себя такую ответственность, вряд ли дождались бы барышей от торговли. Я полагаю, что и вы тоже принадлежите к купеческому сословию?

Я ответил отрицательно и этим, кажется, еще сильнее возбудил его любопытство. Слушая его рассказ о себе, я читал ложь в его глазах. При ярком свете лампы он был еще красивее, чем показался мне в начале нашей встречи, но тип его красоты нельзя было назвать сим-

патичным. Тонкие, женственные черты его лица были идеально правильны: все дело портил рот, являвшийся полным контрастом благородству черт верхней части лица. Это было умное и в то же время слабое лицо, на котором выражение восторженного энтузиазма беспрестанно сменялось полным бессилием и нерешительностью. Я чувствовал, что чем больше знакомлюсь с хозяином этой хижины, тем менее доверяю ему, и все-таки он не пугал меня: я почему-то был вполне уверен в своей безопасности, хотя вскоре в этом пришлось горько разубедиться.

– Вы, конечно, извините мою холодность, господин Лаваль, – сказал он, – с тех пор как Император побывал на берегу, там всегда кишат полицейские агенты, так что купцы должны быть всегда начеку, охраняя свои интересы. Вы понимаете, что мои опасения были совершенно естественны: ваш вид и ваше платье не внушали особенного доверия в таких местах и в столь поздний час!

Он, очевидно, ждал возражений, но я сдержался и скромно заметил:

– Я повторяю, что я просто заплутавшийся путник, и теперь, когда я уже вполне отдохнул и освежился, я не буду более злоупотреблять вашим гостеприимством и только попрошу вас указать мне дорогу к ближайшей деревне.

– Я полагаю, что вам гораздо лучше будет остаться здесь, потому что буря разыгрывается сильнее и сильнее!

И пока он говорил, сильный порыв ветра долетел до моих ушей. Он подошел к окну и принялся так же внимательно всматриваться, как и при моем приближении.

– Хорошо было бы, мсье Лаваль, – сказал он, глядя на меня с притворно дружеским видом, – если бы вы не отказались оказать мне весьма существенную услугу: побыть здесь не более получаса.

– Почему это? – спросил я, колеблясь между недоверием и любопытством.

– Вы хотите откровенности, – и он взглянул на меня так правдиво и искренно, – дело в том, что я жду нескольких сотоварищей по ремеслу; но до сих пор, как видите, совершенно тщетно; я решил отправиться навстречу им, пройти вокруг всего болота, чтобы помочь им, если они потеряли дорогу. Но в то же время было бы очень невежливо с моей стороны, если они придут без меня и вообразят, что я ушел от них. Вы бы оказали мне большое одолжение, согласившись остаться здесь полчаса или около того, чтобы объяснить им причину моего отсутствия, если мы случайно разминемся с ними по дороге.

Все это казалось вполне естественным, но его странный, загадочный взор говорил мне, что он лгал. Я колебался, принять или не принять его предложение, тем более что оно давало мне удобный случай удовлетворить мое любопытство. Что было за этим старым камином, и почему он скрылся от меня именно туда? Я чувствовал бы себя неудовлетворенным, если бы не постарался выяснить это, прежде чем идти дальше.

– Отлично, – сказал он, нахлобучивая черную с приподнятыми полями шляпу и быстро бросаясь к двери. – Я был уверен, что вы не откажете мне в моей просьбе, и не могу долее медлить, потому что в противном случае я останусь без товара.

Он поспешно захлопнул за собою дверь, и шаги его постепенно замерли вдали, заглушенные ревом ветра. Таким образом, я был один в этом таинственном жилище, предоставленный самому себе и жаждущий разрешить все свои недоумения. Я поднял книгу, уроненную под стол. Это было одно из сочинений Руссо. Трудно было предположить, чтобы купец, ожидающий встречи с контрабандистами, стал читать подобные книги. На заголовке было написано «Люсьен Лесаж», а внизу женской рукой приписано: «Люсьену от Сибиль».

Итак, имя моего добродушного, но странного незнакомца было Лесаж. Теперь мне предстояло узнать только одно, и притом самое интересное, именно: что он спрятал в камине. Прислушиваясь несколько минут к звукам, доходившим извне, и убедившись, что не было слышно ничего, кроме рева бури, я стал на край решетки, как это делал он, и перескочил через нее.

Блеск пламени скоро указал мне тот предмет, о котором я так долго думал. В углублении, образовавшемся вследствие падения одного из кирпичей, лежал маленький сверток. Несомненно, это был именно тот предмет, который мой новый приятель поспешил спрятать, встревоженный приближением постороннего человека. Я взял его и поднес к огню. Это был сверток, завернутый в маленький четырехугольный кусок желтой блестящей материи, перевязанной кругом белой тесьмой. Когда я развязал его, в нем оказалась целая пачка писем и одна, совершенно особенно сложенная бумага.

У меня захватило дыхание, когда я прочел адреса. Первое письмо было на имя гражданина Талейрана, остальные, написанные республиканским стилем, были адресованы гражданам Фуше, Сольту, Мак-Доналду, Бертье, и так постепенно я прочел целый лист знаменитых имен военных и дипломатических деятелей, столпов нового правления. Что же мог иметь общего этот мнимый купец с такими высокими личностями? Несомненно, разгадка кроется в другой бумаге. Я сложил письма на место и развернул бумагу, которая сейчас же убедила меня, что соляное болото было для меня более безопасным убежищем, чем это проклятое логовище!

Мои глаза сразу наткнулись на следующие слова:

«Товарищи, сограждане Франции! События дня указывают, что тиран, даже окруженный своими войсками, не может избежать мести возмущенного и раздраженного народа! Комитет Трех, временно действующий за республику, приговорил Бонапарта к той же участи, которая постигла Людовика Капета. В отместку за 18-е Брюмера...»

Едва я успел дочитать до указанного места, как вдруг почувствовал, что меня кто-то схватил за ноги: бумага выскользнула из моих рук. Чьи-то железные пальцы плотно обвилились вокруг моих ног, и при свете угольев я увидел две руки: несмотря на охвативший меня ужас, я заметил, что руки эти были покрыты густыми черными волосами и поражали своей величиной.

– Так, мой друг, – слышался надо мной чей-то голос, – на этот раз наконец нас вполне довольно, чтобы задержать вас!

Глава IV

Ночные посетители

Я недолго предавался размышлениями о своем опасном положении: точно схваченную с насеста птицу, меня приподняли за ноги и со всего размаху выбросили в комнату, при этом спиной я ударился о каменный пол с такой силой, что мне казалось, я перестал дышать.

– Не убивай его, Туссак, – сказал чей-то мягкий голос, – надо сначала удостовериться, кто он.

Я чувствовал страшное давление больших пальцев на мой подбородок, тогда как остальные пальцы железным кольцом сдавили мою гортань: давлением пальцев этот Туссак отогнул мне вверх голову, насколько это было возможно, не ломая шеи.

– Еще четверть дюйма, и я сломал бы ему шею, – сказал тот же громовой голос, – верьте моему долговременному опыту.

– Не делай этого, Туссак, не делай, – повторил чей-то мягкий голос, – я уже был однажды свидетелем подобной расправы, и это ужасное зрелище долго стояло у меня перед глазами!

Моя шея была так повернута, что я не мог видеть тех, от кого зависела моя участь, я мог только лежать слушать их.

– Однако же приходится считаться с фактами, мой милый Шарль! Этот молодец проник во все наши тайны, наша жизнь зависит от него!

Но голосу я узнал в говорившем Лесажа.

– Мы должны лишить его возможности вредить нам! Отпусти его, Туссак, все равно он не может выбраться отсюда.

С неимоверной силой, давление которой я все время чувствовал на своей шее, я был приподнят и приведен в сидячее положение, что дало мне возможность в первый раз осмотреться вокруг себя и разглядеть получше тех людей, в чьей власти я находился. Очевидно, это были субъекты, на совести которых лежало немало убийств в прошлом, и, судя по их словам, они не задумаются над убийством и в будущем. Для меня вполне ясно было, что в центре уединенного соляного болота я был совершенно в их руках. Я вспомнил имя, которое носил, и затаил в душе чувство смертельного ужаса, разливающегося по моему существу.

Их было трое в комнате – мой старый знакомец и два новых пришельца. Лесаж стоял у стола с той же засаленной книгой в руках и совершенно спокойно смотрел на меня. В его глазах отражалась насмешка; в них порою светилось торжество человека, разбившего по всем пунктам своего противника, который теперь принужден был бездействовать.

Около него на ящике сидел человек лет пятидесяти с лицом аскета. На его желтом лице виднелись глубоко вдавшиеся глаза, резко очерченные губы; кожа его, изборожденная морщинами, спускалась складками с резко выдававшегося подбородка. Он был одет в костюм табачного цвета, причем длинные ноги его поражали своей худобой. Он с грустью покачивал головой, глядя на меня, и я читал утешение в его, казалось, бесчеловечных глазах.

Третий, Туссак, положительно устрашал меня! Это был колосс коренастого сложения, с непомерно развитыми мускулами. Его огромные ноги были искривлены, как у обезьяны; вместо рук у него были громадные лапы, которые все время держали меня за шиворот. Было что-то животное во всей его внешности; борода начиналась от глаз и совершенно скрывала выражение его лица, ускользавшее от вас, потому что всклоченные волосы торчали во все стороны, как солома. Взгляд его больших черных глаз переходил с меня на его приятелей. В нем я читал свой приговор. Если те двое были судьями, я не мог дольше сомневаться, кто был палач!

– Когда он пришел? Чем он занимается? Как он мог найти это убежище? – спросил тот, кто, казалось мне, был на моей стороне.

– Когда он только что подошел сюда, я принял его за вас, – ответил Лесаж, – в такую адскую ночь вряд ли можно было рассчитывать встретить кого-нибудь другого на болоте. Поняв свою ошибку, я запер дверь и спрятал бумаги в камин. Я совершенно упустил из виду, что он мог видеть все это через щель в двери, но, когда я вышел, чтобы указать ему дорогу, мне сразу бросилась в глаза эта щель. Я более уже не сомневался, что он видел мои действия, и, конечно, они возбудили его любопытство настолько, что он не перестанет думать о них и сделает попытку разъяснить все себе. Я вернул его в избушку, чтобы иметь время рассудить, что делать с ним.

– Черт возьми! Пара ударов этого топорика и постель в самом покойном углу соляного болота исправят все происшедшее, – сказал Туссак, сидевший рядом со мною.

– Совершенно верно, мой милый Туссак, но к чему же сразу открывать свои козыри? Надо быть более разборчивым и сообразительным!

– Что же было дальше?

– Первым делом моим было узнать, кто этот Лаваль.

– Как вы назвали его? – вскрикнул старик.

– Он назвал себя Луи Лавалем. Я повторяю, мне необходимо было убедиться в своем предположении, видел ли он, как я запрятал бумаги. Это не только было важно для нас, но и, как видите, оказалось роковым для него. Я дождался вашего приближения и тогда только оставил его одного. Я следил за ним из окна и увидел, как он бросился в наш тайник. Когда мы вошли, я обратился к тебе, Туссак, с просьбой вытащить его из-за камина, и вот он лежит перед вами.

Красивый брюнет обвел всех взором, чувствуя одобрение товарищей, а старик всплеснул руками, бросая на меня суровый, неумолимый взгляд.

– Мой милый Лесаж, – сказал он, – ты положительно превзошел самого себя. Когда мы, республиканцы, ищем исполнителя наших замыслов, всегда умеем найти наиболее достойного. Признаюсь, что когда я привел Туссак к этому приюту и последовал за вами, то при виде чьих-то ног, торчавших из камина, так растерялся, что, обыкновенно сообразительный, никак не мог понять, в чем дело. Однако Туссак сразу со своей обычной сметливостью понял, что его надо было схватить именно за ноги!

– Довольно слов! – проревел подле меня косматый великан. – Благодаря тому, что мы много говорили и мало действовали, Бонапарт еще носит корону на своей голове или, вернее, голову на плечах. Расправимся с этим молодцом да поскорее приступим к делу!

Нежные, тонкие черты Лесажа невольно манили меня к себе. Я в них искал защиты, но эти большие черные глаза смотрели на меня так холодно, с такой беспощадной жестокостью, когда он оборачивался в мою сторону.

– Туссак совершенно прав, – сказал он, – мы вверим ему нашу собственную безопасность, если позволим ему уйти со знанием наших тайн!

– Черт с ней, с нашей безопасностью! – воскликнул Туссак. – Дело совсем не в том, но мы рискуем не иметь успеха в своих планах. Это гораздо важнее!

– То и другое не менее важно и тесно связано одно с другим! Без сомнения, тринадцатый пункт нашего устава совершенно определенно указывает нам, как мы должны поступить в данном случае. Всякая ответственность слагается с исполнителя тринадцатого пункта.

Душа моя ушла в пятки при словах этого человека, поэта по внешности и дикаря по убеждениям.

Но я снова почувствовал, что не все еще потеряно, когда человек с лицом аскета, мало говоривший до сих пор, но все время не сводивший с меня глаз, стал выказывать некоторое беспокойство, некоторую тревогу.

– Мой дорогой Люсьен, – сказал он мягким, успокоительным тоном, кладя руку на плечо молодого человека, – мы, философы и мыслители, должны с большим уважением относиться

к человеческой жизни! Нельзя так легко относиться к чужим убеждениям и насиловать их. Мы все совершенно согласны, что если бы не неистовства Мюрата...

– Я глубоко уважаю ваши взгляды и мнения, Шарль, – прервал его Лесаж, – вы, конечно, согласитесь с тем, что я всегда был услужливым и покорным учеником. Но я опять-таки повторяю, что здесь замешана наша безопасность и что в данном случае нельзя остановиться на полдороге. Никто так не возмущается жестокостью, как я сам, однако же несколько месяцев тому назад мы вместе с вами присутствовали при убийстве человека с Боу-стрит, и ведь это было сделано Туссаком с такой ловкостью, что зритель чувствовал себя едва ли не хуже, чем жертва. В самом деле, нельзя было без ужаса слышать тот ужасный звук, который возвестил, что шея несчастного свернута. Если и вы, и я имеем достаточно характера, чтобы продолжать этот разговор, то я напому вам, что ужасное дело было совершенно по вашему внушению при менее уважительных причинах!

– Нет, нет, Туссак, остановись! – крикнул тот, кого они звали Шарлем; его голос утратил свои мягкие тона и перешел в какой-то визг, когда волосатая рука колосса снова захватила мою шею.

– Я обращаюсь к тебе, Люсьен, как с чисто практической, так и с нравственной точки зрения: не допускай совершиться этому делу. Пойми, что, если все повернется против нас, это злодейство лишит нас надежды на милосердие. Пойми также...

Последний аргумент, казалось, поколебал молодого человека, и его бледное лицо вдруг стало каким-то серым.

– Все равно нам нет иного исхода ни в каком случае, Шарль, – сказал он, – мы не можем рассуждать, а должны лишь повиноваться тринадцатому пункту.

– Не забывай, что мы имеем некоторую свободу действий, потому что сами стоим выше комитета!

– Но этот комитет имеет достаточное количество членов, чтобы менять различные параграфы, на что мы не имеем права.

Его губы дрожали, но выражение глаз не смягчилось. Под давлением тех же ужасных пальцев моя шея начала поворачиваться вокруг плеч, и я уже находил своевременным вверить свою душу Пресвятой Деве и Святому Игнатию, который был всегда главным покровителем нашей семьи.

В это время Шарль, который почему-то все время отстаивал меня, бросился вперед и начал тянуть руку Туссака с такой яростью, какую трудно было ожидать от его прежнего спокойствия стойка, с которым он сидел все время.

– Я не позволю вам убивать его! – гневно воскликнул он. – Кто вы, что осмеливаетесь противиться моим желанием? Оставь его, Туссак, сними свои пальцы с его шеи! Я, говорю вам, не хочу этого!..

Но, видя, что его крик не поколебал их решимости, Шарль перешел к мольбам.

– Выслушай меня, Люсьен! Позволь мне расспросить его. Если он действительно полицейский шпион, он умрет. Тогда вы можете делать с ним, что хотите, Туссак! Но если он просто безобидный путник, попавший сюда по несчастной случайности и лишь из вполне понятного любопытства запутался в наши дела, тогда вы его предоставите мне!

С самого начала этого разговора я не произнес ни слова в свою защиту, но мое молчание отнюдь не могло служить доказательством избытка мужества. Меня удержала скорее гордость: утратить сознание собственного достоинства – это уже было слишком. Но при последних словах Шарля я невольно перевел глаза со сжимавшего меня, словно в тисках, чудовища на тех двух, от которых зависел мой приговор. Грубость одного тревожила меня меньше, чем мягкая настойчивость другого, слишком усердно хлопотавшего о моем путешествии на тот свет: нет опаснее человека, чем тот, который боится, и из всех судей самым непоколебимым бывает тот, кто имеет основание чего-либо опасаться, – это общий закон. Моя жизнь зависела теперь от

ответа Туссак и Лесажа на доводы Шарля. Лесаж приложил палец к губам и снисходительно улыбнулся настойчивости своего приятеля.

– Пункт тринадцатый, пункт тринадцатый! – принялся повторять он тем же ожесточенным тоном. – Я беру на себя всю ответственность!

– Я вам вот что на это скажу, мистер, – сказал Туссак своим резким голосом. – Существует другой пункт, помимо тринадцатого, по которому человек, приютивший преступника, сам преследуется как укрыватель.

Но и этот довод не победил моего защитника.

– Вы прекрасный человек дела, Туссак, – сказал он спокойно, – но что касается до выбора пути, которым надо следовать, то вы уже предоставляете это более умным головам, чем ваша.

Тон спокойного превосходства, казалось, подействовал на это свирепое существо, все еще не выпускавшее мою шею. Он пожал плечами в знак безмолвного несогласия, но на время покорился.

– Я положительно удивляюсь тебе, Люсьен, – продолжал мой защитник, – как ты, занимая такое положение в моей семье, осмеливаешься противиться моим желаниям?! Если ты действительно понял истинные принципы свободы, если ты пользуешься привилегией принадлежать к партии, которая никогда не теряла надежды на возможность восстановления республики, то через кого ты достиг всего этого?

– Да, да, Шарль, я знаю, что вы хотите сказать, – ответил взволнованный Люсьен, – я уверяю вас, что никогда не осмеливаюсь противиться вашему желанию, но в данном случае я боюсь, что ваше слишком чувствительное сердце привело вас к заблуждению. Если хотите, расспросите этого молодца, хотя мне сдается, что это все равно не приведет ни к чему!

В этом, признаюсь, был уверен и я, потому что, зная страшную тайну этих людей, я не мог надеяться, что они позволят мне уйти отсюда живым. А как хороша мне казалась теперь жизнь! Как дорога даже эта временная отсрочка, и как бы коротка она ни была, рука убийцы оставила мою шею.

В этот миг в ушах у меня звенело; я готов был потерять сознание, и лампа казалась мне каким-то тусклым пятном. Но это ощущение длилось всего одно мгновение; мои мысли сейчас же приняли нормальное течение, и я принялся рассматривать странное худое лицо моего защитника.

– Откуда вы прибыли сюда? – спросил он.

– Из Англии!

– Но ведь вы француз?

– Да!

– Когда вы прибыли сюда?

– Сегодня в ночь!

– Каким образом?

– На парусном судне из Дувра.

– Он говорит правду, – проворчал Туссак, – это я могу подтвердить. Мы видели судно и лодку, из которой кто-то высадился на берег, как раз после того как отчалила моя лодка.

Я вспомнил эту лодку, бывшую первым предметом, виденным мною во Франции, но я не подозревал тогда, какое роковое значение она будет иметь для меня. После этого мой защитник принялся предлагать мне самые разнообразные вопросы, неясные и бесполезные, тихим, словно колеблющимся голосом, который заставлял Туссак ворчать все время. Этот допрос казался мне совершенно бесполезной комедией; но в уверенности и настойчивости спрашивавшего, с которыми он тянул этот допрос, было что-то, указывавшее, что мой защитник надеется и имеет в виду какой-то исход. Верно, он просто хотел выиграть время. На что ему нужно было это промедление?

И вдруг неожиданно, с той сообразительностью, которую придает сознание опасности, я угадал, что он действительно ждал чего-то, на что-то надеялся! Я читал это на его опущенном лице; он сидел со склоненной головой, приложив руку к уху, его глаза все время горели беспокойным огнем. Шарль, по-видимому, надеялся на что-то, известное ему одному, и говорил, говорил, желая выиграть время.

Я был так уверен в этом, как будто он поделился со мной своим секретом, и в моем измученном сердце вновь мелькнула легкая тень надежды. Но Туссак, раздражавшийся все больше и больше при этом разговоре, прервал его наконец отчаянным ругательством.

– С меня вполне довольно этого! – крикнул он. – Я не для детской игры рисковал своей жизнью, являясь сюда! Неужели у нас нет лучшей темы для разговора, чем этот молодчик? Вы думаете, я ехал из Лондона, чтобы слушать ваши чувствительные речи? Пора покончить с этим господином и перейти к делу.

– Прекрасно, – ответил Шарль, – этот шкаф может прекрасно сыграть для него роль тюрьмы. Посадим его туда и приступим к делу. Вы можете расправиться с ним после!

– И дать ему возможность подслушать все сказанное нами? – иронически сказал Лесаж.

– Не понимаю, какого черта вам нужно! – вскрикнул Туссак, подозрительно взглядывая на моего покровителя. – Я никогда не думал, что вы так щепетильны, уж, конечно, вы не были столь нерешительны по отношению к человеку с Боу-стрит! Этот молодчик знает наши тайны, и он должен умереть, или мы будем обвинены именно им. Какой смысл строить так долго планы и в последний миг освободить человека, который погубит всех нас?

Косматая рука снова протянулась ко мне, но Лесаж внезапно вскочил на ноги. Его лицо побелело; он стоял, склонив голову, и напряженно прислушивался, вытянув вверх руку. Это была длинная, тонкая, нежная рука; она дрожала, как лист, колеблемый ветром.

– Я слышу что-то странное, – прошептал он.

– И я тоже, – прибавил старик.

– Что это такое?

– Тсс!.. Молчание! Слушайте...

С минуту или больше мы прислушивались к шуму ветра, завывавшего в камине, порою со страшной силой ударявшегося о ветхое оконце.

– Нет, все спокойно, – сказал Лесаж с нервным смехом, – в реве бури слышатся иногда такие странные звуки.

– Я ничего не слышу, – сказал Туссак.

– Тише! – вскрикнул другой. – Опять то же самое!

Чистый, звонкий вопль долетел до нас. Буря не заглушала его; сильный звук, начинавшийся с низких нот и переходивший в резкий, оглушительный вой, пронесся над болотом.

– Гончие собаки! Нас открыли! – Лесаж бросился к камину, и я видел, как он бросил свои бумаги в огонь и прижал их каблуком. Туссак быстро схватил деревянный топор, прислоненный к стене. Шарль оттащил всю грудку ветхого невода от угла – обнаружился маленький деревянный трап, который скрывал вход в низкий подвал.

– Туда! – шепнул он. – Скорее!

И пока я спускался туда, я слышал, как он сказал своим товарищам, что я из подвала удрать не могу и что они могут разделаться со мной, когда захотят.

Глава V

Закон

Подвал, куда я был втолкнут с такой поспешностью, был страшно низкий и узкий, и я почувствовал в темноте, что он был сплошь загорожен плетеными ивовыми корзинами. Сначала я не мог определить их назначение и только потом понял, что они служили для ловли омаров. Свет, проникавший сзади через щель в двери, совершенно ясно освещал всю комнату, которую я только что покинул. Измученный и истомленный, с призраком смерти в глазах, упорно преследующих меня, я тем не менее был еще способен наблюдать за происходящим передо мною.

Мой худощавый защитник с тем же хладнокровием продолжал сидеть на ящике. Охватив руками колени, он покачивался из стороны в сторону, и я заметил при свете лампы, что мускулы челюстей его ритмично сжимались и разжимались, как жабры рыбы. Около него стоял Лесаж с белым лицом, смоченным слезами, губы его не переставали дрожать от ужаса. Как он ни пытался придать более смелости лицу, она тотчас же сбегала с него при воспоминании о предстоящем ужасе. Туссак же стоял перед огнем с мужественной осанкой, с топором наготове, откинув назад голову в знак презрения к опасности. Его черная всклокоченная борода, точно щетина, торчала во все стороны. Он не сказал ни слова, но было видно, что он приготовился к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Лай собаки доносился все громче и яснее с болота; Туссак быстро подбежал к двери и распахнул ее.

– Нет, нет, оставь собаку в покое! – вскрикнул Лесаж, не могший дольше бороться с боязнью.

– Ты с ума сошел! Вся наша надежда основана теперь на том, успеем или не успеем мы убить ее.

– Но она на своре!

– Если она на своре, тогда ничто не спасет нас. Но я скорее склонен думать, что она бежит на свободу. Тогда мы можем спастись!

Дрожащий Лесаж снова прислонился к столу и не сводил своих испуганных глаз с двери. Человек, дружественно относившийся ко мне, продолжал покачиваться с какой-то странной полуулыбкой, застывшей на его лице. Его худая рука постоянно придерживала что-то на груди под рубахой, и я готов был поклясться, что он прятал какое-то оружие! Туссак стоял между ними и раскрытой настежь дверью, и, хотя я боялся и ненавидел его, я не мог оторвать глаз от его словно выросшей и как-то облагородившейся фигуры. Я был так занят этой драмой, разыгравшейся передо мною, финалом которой могла явиться гибель всех обитателей хижины, что мысль о моем собственном положении совершенно испарилась из моей головы. Передо мной разыгрывалась страшная, захватывающая драма, и я был единственный зритель, спрятанный в скверном, грязном подвале!

Я, сдерживая дыхание, ждал и наблюдал. По их напряженным лицам было заметно, что все трое следили за чем-то, чего я не мог еще видеть.

Туссак поместил топор на плечо и приготовился к удару. Лесаж откинулся назад и поднес руку к глазам. Старик перестал покачиваться и точно слился с ящиком, на котором сидел; это был не человек, а скорее какой-то призрак. Послышались чьи-то шаги, на пороге мелькнула тень, и в дверях показалась собака...

Туссак сразу ударил ее топором; удар был точен и правилен, и лезвие топора углубилось в горло животного, но сила удара была настолько велика, что топорик совершенно раздробился. Собака, однако, успела повалить Туссака на пол, и они извивались в последней схватке – на жизнь и смерть! Этот косматый великан и собака, оба с диким рычанием, не позволявшим

отличить человека от животного, бились из-за самого дорогого для каждого существа – из-за жизни! И человек вышел победителем из этой борьбы! Железные пальцы Туссак впились в горло собаки... Я не видел, что было дальше, как вдруг мучительный, душу раздирающий вой огласил комнату. Человек встал, слегка пошатываясь, с его рук струилась кровь, а темная масса в луже крови лежала неподвижной на полу.

– Теперь, – крикнул Туссак громовым голосом, – пора! – И он выбежал из хижины.

Лесаж, в страхе отскочивший в угол, пока Туссак боролся с собакой, выбрался оттуда с измученным видом, с глазами, мокрыми от слез.

– Да, да, – крикнул он, – мы должны бежать, Шарль! Вслед за собакой идет полиция, но собака опередила ее, и мы еще успеем спастись.

Но Шарль с тем же невозмутимым лицом, на котором не отразилось никакого чувства, и только челюсти равномерно постукивали, спокойно подошел к двери и запер ее.

– Я думаю, друг Люсьен, – спокойно сказал он, – что тебе лучше остаться там, где ты есть!

Выражение ужаса на бледном лице Лесажа постепенно сменилось удивлением.

– Но вы не осознаете опасности, Шарль, – сказал он, бросая на него пытливый взор.

– О нет, мне кажется, я прекрасно все сознаю, – улыбаясь, ответил тот.

– Но ведь полиция может прийти сюда через несколько минут! Собака сорвалась со своры и ушла вперед них по болоту; нет сомнения, что она направляется именно сюда, потому что это единственное человеческое жилье в этих местах!..

– Нет, мы останемся там, где мы есть!

– Безумец, вы можете жертвовать своей жизнью, но не моею! Оставайтесь, если хотите, но я уйду!

Он с отчаянием бросился к двери, с беспомощно протянутыми руками, но другой быстро вскочил и встал перед ним с таким повелительным жестом, что юноша отклонился от него в сторону, как будто от внезапного толчка.

– Глупец, – сказал Шарль, – бедный, жалкий глупец!..

Лесаж раскрыл было рот, да так и оцепенел; его колени подогнулись от ужаса, он плотно сжал свои руки. В этот миг он был олицетворением страха, безысходного, отчаянного страха, который я когда-либо видел. Лесаж понял, в чьи руки он попал.

– Вы, Шарль, вы! – бормотал он, запинаясь на каждом слове.

– Да, я! – безжалостно усмехаясь, ответил тот.

– Вы – полицейский шпион?! Вы – душа нашего общества! Вы, принимавший участие в самых сокровенных заговорах!.. Вы были нашим вождем! О Шарль, в вас нет сердца!.. Я слышу их приближение, Шарль, пустите меня; я прошу, я умоляю вас, пустите меня!..

Словно окаменевшее лицо Шарля стало качаться из стороны в сторону в знак отрицания.

– Но почему же я должен быть вашей жертвой? Почему не Туссак?

– Если бы собака помогла мне, я захватил бы вас обоих! Но Туссак слишком силен, чтобы я мог бороться с ним. Поэтому вы один, Люсьен, обречены быть моим трофеем, и вы должны примириться с этим фактом!

Лесаж с безумным видом потрогал себя за голову, чтобы убедиться, что он не спал.

– Агент полиции! – шепотом повторил он. – Шарль, мой учитель, – агент полиции!..

– Я знал, что поражу этим вас!

– Но ведь вы были самым крайним по убеждениям между нами! Ни один из нас не мог равняться с вами. Сколько раз мы собирались, чтобы внимать вашим философским рассуждениям. И Сибиль с вами! Ради бога, не говорите мне, что и Сибиль была тоже шпионом!.. Но ведь вы шутите, Шарль? Скажите мне, что вы шутите!..

Черты лица Шарля несколько смягчились, и его глаза загорелись удовольствием.

– Вся эта сцена доставляет мне громадное удовольствие, – сказал он, – по-видимому, я хорошо провел свою роль. Не моя вина, если эти неучи допустили собаку сорваться со своры.

Но, во всяком случае, за мной будет честь собственноручной поимки одного из отчаянных и опаснейших заговорщиков.

Он насмешливо улыбнулся при этой характеристике своего трусливого пленника.

– Император умеет вознаграждать своих друзей, – добавил он, – но умеет и наказывать своих врагов!

Во время этого разговора он не вынимал руки из-за пазухи, а теперь, когда он вытащил ее, в ней мелькнуло металлическое дуло пистолета.

– Не стоит пытаться бежать, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд Люсьена, – живой или мертвый, но вы останетесь здесь!

Лесаж закрыл лицо руками и глухо, беспомощно зарыдал.

– Каким негодяем оказались вы, Шарль, – почти простонал он, – ведь вы заставили Туссака убить того человека из Боу-стрит, вы заставили нас поджечь дома на Лоу-стрит в укреплениях! А теперь вы сами предаете нас...

– Я сделал это, потому что хотел быть единственным, кто мог бы пролить свет на весь заговор. Удобный момент настал!

– Это очень хитро, Шарль, но что подумают обо всем этом, когда я публично открою все, чтобы оправдать себя? Как вы объясните свои поступки Императору? Я думаю, что в ваших интересах приостановить разоблачения, которые я могу сделать на ваш счет.

– Вы вполне правы, мой друг, – сказал тот, взводя курок пистолета, – я несколько перешел границу, исполняя данные мне инструкции и поручения, и теперь самое время исправить это. Теперь все дело в том, оставлю ли я вас жить или вы умрете, хотя я лично думаю, что вам лучше умереть.

Страшно было смотреть на Туссака, когда он боролся с собакой, но настоящая сцена заставила меня содрогнуться всем телом. Сожаление мешалось с отвращением к этому несчастному, созданному, казалось, самой природой для роли ученого или поэта-мечтателя. Было ясно, что слабого Лесажа подчинили себе другие, более сильные волею люди, чем сам он, и навязали ему непосильную роль в это смутное время. Я забыл уже его предательский поступок по отношению ко мне, хотя это едва не стоило мне жизни, забыл его эгоистические опасения, для рассеяния которых Лесаж не задумался пожертвовать моей жизнью.

Видя перед собой неизбежную гибель, он упал на пол и извивался всем телом в припадке ужаса, а его мнимый друг с циничной улыбкой стоял над ним с пистолетом в руках. Шарль играл этим беспомощным трусом, как кошка с мышью, но я читал в его неумолимом взгляде, что это была не шутка: его пальцы все время крепко сжимали собачку. Еще мгновение, и раздался выстрел...

Полный невыразимого ужаса при этом безобразном убийстве, я оттолкнул трап моего убежища и выскочил оттуда с намерением присоединиться к жертве, как вдруг моих ушей снаружи достигли гул голосов и звяканье стали.

С обычным возгласом «Именем Императора!» дверь хижины одним ударом была сорвана с петель. Ветер завывал еще свирепее. В открытую дверь я мог видеть густую толпу вооруженных людей; перья на их касках развевались, развевались и плащи, мокрые от моросившего все время дождя. Свет лампы из хижины освещал головы двух красивых лошадей и тяжелые, с красными султанами каски гусар, стоявших около них. В дверях стоял высокий молодой гусар, по-видимому, офицер, о чем можно было судить по богатству его одежды и по его манере держать себя. Высокие сапоги, доходившие до колен, ярко-голубая с серебром форма удивительно шли к его высокой гибкой фигуре. Я мог только любоваться его манерой держать себя. Скрестив руки на груди, с ярко блестящей саблей в ножнах, он стоял на пороге и холодным, беспристрастным взглядом оглядывал залитую кровью хижину и ее обитателей. На его бледном с резкими чертами, но все же красивом лице выделялись щетинистые усы, торчавшие из-под медной цепи его каски.

– Недурно! – сказал он. – Недурно!

– Это Люсьен Лесаж, – сказал Шарль, пряча пистолет у себя на груди.

Гусар с презрением взглянул на эту распростертую фигуру.

– А! Красавец заговорщик! – сказал он. – Вставай, жалкий трусишка! Жерар, возьмите на свое попечение доставить его в лагерь.

Молодой офицер в сопровождении двух солдат вошел, позвякивая шпорами в хижину, и жалкое существо, почти без сознания, было унесено куда-то в темноту.

– Но где же другой, которого зовут Туссаком?

– Он убил собаку и бежал. Лесаж также, верно, последовал бы его примеру, если бы я не предупредил его намерения. Если бы вы не дали сорваться со своры одной из гончих, они оба были бы в ваших руках, но это уже не от меня зависело. Теперь вы могли бы поздравить меня, полковник Лассаль, с полным успехом, – сказал он, протягивая руку, но тот, как бы не видя руки, круто повернулся на каблуках.

– Вы слышите, генерал Саварей, – сказал он, смотря на дверь, – Туссак бежал!

Высокий смуглый молодой человек приблизился к нему и попал в полосу, освещенную лампой. Волнение ясно отразилось на его красивом умном лице, когда он услышал эту новость.

– Но где же он?

– Четверть часа тому назад он бежал!

– Но он ведь самый опасный из всех заговорщиков-республиканцев? Император сильно разгневан! Но какому направлению бежал он?

– Он, вероятно, отправился внутрь страны.

– А это кто? – спросил генерал Саварей, показывая на меня. – Я понял из вашего извещения, что тут будут двое вместе с вами, господин де...?

– Вы отлично знаете, что у меня нет аристократического имени, – резко оборвал его Шарль.

– Да, я припоминаю это, – с насмешкой ответил Саварей.

– Я сказал вам, что эта сторожка должна была быть местом свидания, но это не было окончательно определено до последней минуты. Я дал вам способ поймать Туссака, но вы прозевали его, выпустив собаку. Я думаю, что вам придется отвечать перед Императором за это упущение!

– Это уж ваше дело! – в гневе воскликнул генерал Саварей. – Вы еще не сказали нам: что это за личность?

Мне казалось бесполезным далее продолжать скрывать имя, тем более что я имел в кармане бумагу, удостоверявшую мою личность.

– Мое имя Луи де Лаваль, – с гордостью сказал я.

Признаюсь, только теперь стало ясно для меня, что я и мои родственники-эмигранты, сидя в Англии, слишком преувеличивали наши заслуги для Франции. Нам казалось, что Франция с жадным нетерпением ожидала нашего возвращения, а на поверку оказалось, что в быстром ходе событий в последние дни о нашем существовании совершенно забыли. Молодой генерал Саварей, по-видимому, очень мало был тронут моим аристократическим именем и совершенно спокойно занес его в свою записную книжку.

– Мсье де Лаваль не имеет никакого отношения к этому делу, – сказал шпион, – он замешался в него совершенно случайно, и я беру его на свою ответственность, если его потребуют к допросу!

– Несомненно, его потребуют, – сказал Саварей, – в настоящее время я нуждаюсь в каждом лишнем солдате, и если вы берете его на свою ответственность, то проводите его в лагерь, когда в этом явится необходимость. Я с удовольствием доверю этого юношу именно вам. Когда он понадобится, я дам знать вам!

– Он всегда будет к услугам Императора!

– Сохранились ли какие-нибудь бумаги в хижине?

– Они все сожжены!

– Очень жаль!

– Но у меня есть копии.

– Прекрасно!

– Идемте же, Лассаль! Каждая минута дорога, а здесь вам больше нечего делать. Пусть люди осмотрят окрестности, а мы поедем далее.

Присутствовавшие при этой сцене солдаты покинули хижину без дальнейших объяснений с моим приятелем; чей-то резкий голос прокричал слова команды, послышалось звяканье сабель, когда спешившиеся гусары снова вскочили на лошадей. Через мгновение их уже не было, и я прислушивался к шлепанию подков, быстро замиравшему вдали. Мой сотоварищ подошел к двери и выглянул оттуда во мрак. Потом он вернулся и посмотрел на меня со своей сухой, саркастической улыбкой.

– Отлично, молодой человек, – сказал он, – мы изобразили перед вами недурные живые картины, чтобы позабавить вас, и вы можете благодарить только меня за это прелестное место в партере.

– Я очень обязан вам, сэр, – сказал я, борясь между признательностью и отвращением к нему, – я, право, не знаю, как отблагодарить вас.

Он как-то странно взглянул на меня своими несколько ироническими глазами.

– Вы будете иметь впоследствии удобный случай, чтобы отблагодарить меня, – сказал он, – а теперь, так как все же для нас вы иностранец, а я вас взял на свое попечение, то прошу следовать за мною в убежище, где мы оба можем быть в полной безопасности.

Глава VI

Скрытый проход

Дрова в камине уже чуть тлели. Мой спутник задул лампу, и хижина погрузилась в темноту, так что не прошли мы и десяти шагов, как уже потеряли ее из виду, эту странную хижину, так трагически приветствовавшую мое возвращение домой. Ветер уже начинал стихать, но частый холодный дождь лил все с той же силой, что и прежде. Будь я предоставлен самому себе, я бы точно так же растерялся, как и будучи здесь в первый раз; но мой спутник шагал с такой твердостью и уверенностью, что, несомненно, он руководствовался какими-то местными признаками, которых не видел я. Мокрый, иззябший, с растрепанным свертком под мышкой, с нервами, до невозможности взвинченными последними тяжелыми испытаниями, я в глубоком молчании шагал рядом с ним, перебирая в голове случившееся со мной.

Несмотря на молодость, я был хорошо знаком с положением дел во Франции благодаря постоянным политическим спорам между моими родными, когда мы жили в Англии. Я знал, что восшествие Бонапарта на престол возбудило против него небольшую, но опасную партию якобинцев, или крайних республиканцев; все усилия их уничтожить королевскую власть не только были тщетны, но и способствовали перемене королевской конституционной власти на самодержавную власть Императора. Вот каковы были грустные результаты этой борьбы! Корона с восемью лилиями сменилась другой, более шумевшей, украшенной крестом и державой. С другой стороны, приверженцы Бурбонов, в среде которых я провел свою юность, были вполне разочарованы приемом, который оказал французский народ этому возвращению от хаоса к порядку. Несмотря на полную противоположность взглядов, обе партии объединились в их ненависти к Наполеону и твердо решились одолеть его во что бы то ни стало. Результатом этого явились многочисленные заговоры, главным образом организованные в Англии; целые отряды шпионов наблюдали за каждым шагом Фуше и Саварея, на которых лежала ответственность за безопасность Императора.

По воле судьбы я попал на берег Франции в одно время со страшным заговорщиком, на которого выпал жребий убить Наполеона, и имел возможность видеть человека, при помощи которого полиция сумела воспрепятствовать замыслам заговорщиков и перехитрить Туссака и его сообщников.

Припоминая все приключения этой ночи – блуждания по соляному болоту, таинственную хижину, куда я попал, открытие важных бумаг, мое пленение заговорщиками, мучительно тянувшиеся часы в ожидании скорой смерти и, наконец, все эти быстро сменявшиеся сцены, которых я был невольным свидетелем: убийство собаки, арест Лесажа, прибытие солдат, – припоминая все это, я несколько не удивился, что мои нервы были напряжены до последней степени. Я все время как-то невольно вздрагивал и ежился, как испуганное дитя.

Что меня занимало теперь больше всего – это вопрос, какие отношения установятся между мною и моим ужасным спутником. Я видел, что предо мной гениальный шпион, сумевший благодаря хитрости так ловко провести и одурачить своих мнимых приятелей; я прочел в его насмешливо улыбавшихся глазах всю бессердечную холодность и жестокость его натуры, когда он с пистолетом в руках стоял над унижавшимся трусом, которого он погубил. Но, с другой стороны, я не могу не признаться, что, поставленный в безвыходное положение своим дурацким любопытством, я был спасен только благодаря вмешательству этого Шарля, не побоявшегося даже разъяренного Туссака. Для меня вполне ясно, что Шарлю было бы гораздо выгоднее дать возможность захватить двух пленников, и он мог бы это сделать, потому что, хотя я и не был заговорщиком, я не имел бы возможности доказать это.

Его поведение по отношению ко мне совершенно не согласовалось со всем тем, что я видел в эту роковую ночь, и, пройдя в молчании еще мили две, я не имел больше сил сдерживать

свое любопытство и прямо обратился к нему, прося сказать, чем объясняется его поведение по отношению ко мне.

В ответ я услышал легкий взрыв смеха в темноте; моего спутника, видимо, очень занимала моя откровенность и бесцеремонность.

– Вы очень занимательный человек, господин... господин... будьте добры повторить ваше имя.

– Де Лаваль.

– Ах да, мсье де Лаваль! Вы обладаете пылкостью и стремительностью юности. Вам захотелось узнать содержимое камина, и вы без дальнейших размышлений прыгаете туда. Желая разрешить причину всего происходившего, вы прямо спрашиваете о ней. Мне всегда приходилось иметь дело с людьми, которые крепко держат язык за зубами, и ваша искренность производит на меня впечатление освежительного напитка в жару.

– Я не знаю, какими побуждениями вы руководствуетесь, но вы спасли мне жизнь, – сказал я, – и я глубоко обязан вам за это вмешательство.

Трудно высказывать благодарность и признательность человеку, который вам ненавистен и отвратителен, и я боялся, что снова попадусь с моей пылкостью, потому что почти не владел собою.

– На что мне ваши благодарности? – холодно спросил он. – Вы совершенно справедливо заметили, что я мог погубить вас, если бы это входило в мои планы, и точно так же я вправе думать, что если бы вы не были обязаны мне, то, верно, не подали бы мне руку, как только что сделал это долговязый мальчишка Лассаль. Он думает, что служить Императору на поле битвы и рисковать для него своей жизнью очень почетная должность. Ну, а когда приходится кому-либо проводить всю жизнь в опасностях, среди отчаянных смельчаков, зная, что одна ничтожная обмолвка, ошибка повлечет за собой смерть, почему такая служба не может рассчитывать на внимание со стороны Императора? Почему мое ремесло считается позорным? Почему, – продолжал он с горькой улыбкой, – я мог бесконечно долгое время выносить всевозможные лишения и терпеть Туссака и его сотоварищей? И, несмотря на это, Лассаль считает себя вправе отнестись ко мне с таким презрением?! А ведь все их маршалы, взятые вместе, не оказали Императору такой услуги, как я. И я все-таки уверен, что вы и после этих слов все же в душе презираете меня, господин?..

– Де Лаваль!

– Ах да, удивительно, я никак не могу запомнить это имя. Я смело ручаюсь, что вы стоите на точке зрения Лассалья!

– Трудно высказывать мнение по вопросу, с которым совершенно незнаком, – сказал я, – знаю только одно: что обязан вам жизнью.

Не знаю, что он возразил бы мне на это, но в этот миг мы услышали два pistolетных выстрела, гулко раздавшихся в тишине ночи. Мы остановились на несколько минут, но все уже смолкло.

– Они, вероятно, напали на след Туссака, – сказал мой спутник. – Боюсь, что он слишком смел и хитер, чтобы эти разини могли поймать его. Я не знаю, какое впечатление он произвел на вас, но я могу сказать, что трудно встретить более опасного человека, чем Туссак!

Я сознался, что по возможности желал бы избежать подобной приятной встречи, и громкий смех моего спутника указал мне, что он хорошо понимает и разделяет мои чувства.

– Это абсолютно честный человек, которого трудно найти в наше время. Один из лучших, которых увлекла революция. Он слепо верил в слова ораторов, увлекался идеями революционных мыслителей и был убежден, что после волнений и необходимых казней Франция делается раем земным, центром тишины, спокойствия и братской любви. Многие пылкие головы увлекались теми же мыслями, но – увы! – время жестоко разочаровало их. Туссака следует причислить именно к этому разряду людей. Бедняга! Вместо тишины и благополучия он уви-

дел войну, вместо братской любви и полного уравниения всех – возникновение деспотической власти. Ничего нет удивительного, что от всех этих неожиданностей он словно обезумел. Он перестал быть человеком и сделался диким животным, готовым отдать всю свою гигантскую силу, чтобы уничтожить разрушивший созданный им идеал. Он не знает страха, настойчив и почти неодолим. Я не сомневаюсь, что он убьет меня за мою измену, если только догадается, что эта ночь – плоды моих трудов!

Это было сказано самым спокойным тоном, который заставил меня понять, что Шарль не лгал и не преувеличивал, говоря, что надо много, много мужества, чтобы предпочесть роль сыщика, шпиона блестящей карьере кавалериста. Он помолчал немного и потом продолжал, как будто говоря с самим собою.

– Да, – сказал он, – я ошибся. Надо было убить его во время его борьбы с собакой. Но если бы я промахнулся и только ранил его, он разорвал бы меня в клочки, как цыпленка. Да, конечно, лучше так, как есть!

Мы уже давно оставили соляное болото позади, и я только изредка ощущал под своими ногами мягкую торфянистую почву. Мы то поднимались, то спускались по низким прибрежным холмам. Мой спутник, не обращая внимания на темноту, шел вполне уверенно, не колеблясь ни минуты, самым быстрым равномерным шагом, который согревал мое заочевенное в подвале тело. Я был так неопытен, что вряд ли даже и при дневном свете мог бы ориентироваться в этой местности, но в окружавшей меня тьме я совершенно не представлял себе, где мы были и куда направлялись. Некоторое беспокойство овладело мной, когда я увидел, что путешествие наше затягивается, меня уже пугала эта бесконечная дорога к какому-либо убежищу, в котором я так нуждался. Я не знал, сколько времени мы шли, знаю только одно, что по временам я почти терял сознание, снова приходил в себя, идя рядом с моим спутником, автоматически неуклонно двигавшемся вперед, пока, наконец, я совершенно не очнулся при его внезапной остановке.

Дождь прекратился, и, хотя месяц еще скрывался за тучами, небо стало значительно светлее, так что я мог видеть все окружающее меня на небольшом расстоянии. Обширный белый водоем показался прямо против нас. Это был покинутый меловой карьер, густо обросший по краям терновником и папоротником.

Мой спутник, пристально осмотревшись по сторонам, желая убедиться, не следят ли за ними, стал продираться через эту чащу, пока наконец не добрался до меловой стены. Плотнo прижимаясь к ней, мы прошли еще некоторое расстояние, сжатые скалой с одной стороны и густой чащей терновника с другой, пока наконец не дошли до места, откуда, по-видимому, дальнейшее движение было невозможно.

– Вы не видите света позади нас? – спросил он.

Я осмотрелся, но нигде не заметил света.

– Тем не менее идите вперед, а я пойду сзади.

В мгновение, которое понадобилось мне, чтобы повернуться назад, он как-то раздвинул в сторону ветви терновника и сломил одну из преграждавших наш путь ветвей, – я не видел этого, – но когда я обернулся, в яркой белизне стены прямо перед нами зияло черное четырехугольное отверстие.

– Вход очень тесен, но дальше проход расширяется, – заметил он.

Мгновение я стоял в нерешительности. Куда вел меня этот странный человек? Неужели он жил в этой пещере, подобно дикому зверю, или же он готовил там мне ловушку? При свете месяца, показавшегося из-за тучи, освещенное его серебристыми лучами, это черное отверстие казалось таким неприветливым и угрожающим.

– Вы слишком далеко зашли, чтобы идти назад, мой друг, – сказал он, – вы должны или вполне положиться на меня, или уж вполне не доверять мне.

– Я в вашем распоряжении!

– Если так, смело ползите вперед, а я вслед за вами!

Я вполз в отверстие, настолько узкое, что должен был продолжать путь на четвереньках. Оборачиваясь назад, я видел тень моего спутника, двигавшегося за мной. При входе он несколько замешкался, и вскоре слабый свет, достигавший до меня, исчез: Шарль загородил вход ветвями, и мы остались в полной темноте. Я слышал шум его движения за мною.

– Идите до тех пор, пока коридор не начнет понижаться, – сказал он, – вскоре проход будет свободнее, и мы будем иметь возможность высечь огонь.

Потолок был так низок, что я коснулся его головой при одной попытке разогнуть спину, а мои локти постоянно цеплялись за стены, но в то время я был ловок и гибок и потому без особого труда продвигался вперед, пока, наконец, пройдя около ста шагов, я почувствовал, что передо мною находилось углубление. Скользнув туда, я по притоку свежего воздуха понял, что нахожусь в пещере больших размеров. Я слышал удары о кремь, когда мой спутник высекал огонь; наконец он зажег свечу.

Сначала я мог видеть только его истощенное лицо, резкое и грубое, точно резба по дереву, с неперестававшими дергаться челюстями. Свет падал прямо на него и окружал его мутной дымкой. Вскоре он поднял свечу и медленно обвел ею вокруг себя, точно желая осветить место, на котором мы стояли. Я решил, что мы находились в подземном туннеле, который, казалось, шел в глубь земли. Здесь я мог совершенно свободно выпрямиться, настолько значительна была высота его; стены, поросшие мхом, указывали на свое давнее существование.

Там, где мы стояли, потолок обвалился, и прежний проход был загорожен, но в меловой стене была пробита новая брешь: она-то и образовывала тот узкий коридор, которым мы только что шли. Эта брешь была, по-видимому, недавно пробита; груды обломков и несколько орудий, при помощи которых совершена эта работа, лежали на пути. Мой спутник со свечой в руке шел по туннелю, и я последовал за ним, спотыкаясь о большие камни, упавшие сверху или со стен и часто преграждавшие дорогу.

– Ну как вам понравилась дорога? – с усмешкой спросил он. – Видели ли вы что-нибудь подобное в Англии?

– Никогда! – признался я.

– Подобные предосторожности были необходимы прежде, в смутные времена революции. А так как теперь настали и прежние смуты и неурядицы, то очень приятно и бесполезно знать несколько таких потаенных пристанищ.

– Куда мы идем? – спросил я.

– А вот сюда, – отвечал он, останавливаясь перед деревянной, крепко окованной железом дверью.

Он долго возился, открывая эту дверь, и все время стоял так, чтобы я не мог видеть его действий. После толчка дверь несколько подалась и тихо повернулась на петлях. За нею начиналась очень крутая, почти отвесная лестница с обветшалыми от времени ступенями. Он слегка подтолкнул меня в дверь и запер ее за нами. Наверху этой лестницы была вторая такая же дверь, которую он открыл каким-то особенно сложным способом.

Я почти терял сознание, когда мы шли от болота к меловому карьеру, и, уже идя по подземному лабиринту, вполне очнулся, но теперь, после всего виденного, я начал протирать себе глаза, не понимая, в действительности ли это я, Луи де Лаваль, недавний обитатель Эшфорда, или я вижу во сне приключения одного из сказочных героев. Эти массивные, обросшие мхом своды, окованные железом двери, – все это представляло собою прекрасную обстановку для сновидений, но колеблющееся пламя свечи, мой потрепанный багаж и многие другие детали моего пришедшего в полный беспорядок костюма доказывали мне действительность всего происходящего.

Быстрая, бодрая походка моего спутника, его отрывистые замечания живо возвращали меня с небес на землю. Он раскрыл предо мною дверь и опять собственноручно запер ее, когда

я прошел. На этот раз мы очутились в длинном, со сводами коридоре с выстланным каменными плитами полом; коридор освещался маленькой лампочкой, тускло горевшей в дальнем конце его. Два окна с железными решетками указывали, что мы снова на земной поверхности.

Пройдя этот коридор и сделав еще несколько переходов, мы поднялись по винтовой лестнице, наверху которой была раскрыта настежь дверь, она вела в маленькую, прекрасно убранную спальню.

– К сожалению, я вам другого ничего не могу предложить, – сказал Шарль.

Я не желал ничего лучше, как, сбросив с себя одежды, кинуться в эту белоснежную постель, но любопытство все же превозмогло усталость.

– Я очень благодарен вам, но, я думаю, вы не откажете в одолжении сообщить мне, где я?

– Вы в моем доме, и это все, что я скажу вам сейчас! Утром мы еще поговорим с вами на эту тему.

Он позвонил. Долговязый перепуганный слуга вбежал на этот звонок.

– Барышня уже отдыхает? – спросил Шарль.

– Да, сударь, она легла уже часа два тому назад.

– Хорошо, я сам позову вас утром. – Он закрыл мою дверь, и не успел смолкнуть вдали шум его шагов, как я уже спал крепким сном, сном усталого, измученного человека.

Глава VII

Владелец Гросбуа

Мой хозяин оказался очень точным в своих словах, потому что, когда на другое утро я проснулся от какого-то шума, он стоял уже около моей кровати. Его серьезное, спокойное лицо, темная скромная одежда плохо согласовались с теми ужасными сценами, в которых он играл столь отталкивающую роль. При ярком дневном освещении Шарль казался типичным учителем; это впечатление усиливалось его повелительной, но благосклонной улыбкой, с которой он поглядывал на меня. Меня выводила из себя эта улыбка; я окончательно убедился, что моя душа не лежит к этому человеку и что я до тех пор не буду чувствовать себя спокойным, пока не порву этого вынужденного знакомства. Он принес целую кипу всевозможных одеяний и положил их на кресло, рядом с моей кроватью.

– Я понял из ваших слов, что ваше платье в не особенно блестящем состоянии. Боюсь, что вы по фигуре крупнее всех в моем доме, но я принес на всякий случай несколько вещей, которые могли бы пополнить ваш гардероб. Здесь же имеются бритва, мыло и зубной порошок. Я вернусь через полчаса, когда ваш туалет будет, без сомнения, окончен!

После внимательного осмотра я нашел, что мои собственные одежды после основательной чистки будут так же хороши, как и всегда; из того, что принес Шарль, я воспользовался нижней рубашкой и черным сатиновым галстуком.

Окончив свой туалет, я стоял у окна, глядя на белую стену, расположенную прямо напротив, когда вошел мой хозяин. Он острым, испытующим взором окинул меня и, казалось, вполне удовлетворился этим осмотром.

– Прекрасно, прекрасно, этот костюм очень идет к вам, – сказал он, по обыкновению покачивая головой, – по нынешним временам относительная небрежность в костюме, следы путешествия или трудной работы гораздо моднее, чем фатовство. Я слышал, что многие дамы считают это хорошим вкусом. А теперь будьте добры следовать за мною!

Его заботливость о моем костюме очень удивила меня, но скоро я забыл об этом, настолько поразили меня последующие события. Когда мы вышли из коридора в обширную залу, мне показалось, что я как будто видел ее где-то раньше. На стене этой комнаты висел портрет моего отца во весь рост. Я в безмолвном удивлении остановился перед портретом дорогого мне лица, а затем повернулся к Шарлю и взглянул в серые холодные глаза моего спутника, не сводившего с меня взгляда.

– Вы удивлены, де Лаваль? – с оттенком удовольствия сказал он.

– Ради Бога, не шутите со мной так жестоко! Кто вы, и куда вы привели меня?

В ответ он слегка хихикнул и, положив свою морщинистую темную руку на мое плечо, ввел меня в другую большую комнату. Посередине ее стоял со вкусом сервированный стол; около него в низком кресле сидела молодая девушка с книгой в руках. Она встала при нашем появлении, и я увидел, что это была высокая стройная смуглянка с правильными чертами лица и с черными, горевшими как уголь глазами. В ее взгляде, брошенном на меня при нашем появлении, светилась неприязнь.

– Сибиль, – сказал Шарль, и при этих словах у меня захватило дыхание, – это твой кузен из Англии, Луи де Лаваль. А это, мой дорогой племянник, моя единственная дочь Сибиль Бернак.

– Так, значит, вы...

– Я брат вашей матери, Шарль Бернак!

– Вы – мой дядя Бернак?!

Я смотрел на него, как идиот.

– Но почему же вы не сказали мне этого прежде? – воскликнул я.

– Я ничуть не жалею, что имел возможность спокойно понаблюдать, каким сделало английское воспитание моего племянника. Несомненно также и то, что мне труднее оказать вам более ласковый прием, чем тот, который вы получили при вашем вступлении на берег Франции. Я уверен, что Сибиль поможет мне в этом!

При этих словах он как-то неискренне улыбнулся своей дочери, продолжавшей смотреть на меня с тем же холодным, неприятным выражением лица.

Я оглянулся по сторонам и внезапно вспомнил эту обширную комнату со стенами, завешанными оружием и украшенными головами оленей. Этот вид из окна, вид на группу старых дубов, спускающегося под гору парка, вид на море, – да, я, конечно, видел их раньше! Да, я видел это именно тогда, когда семья наша жила в замке Гросбуа, и этот ужасный человек в платье табачного цвета, этот зловещий шпион с безжизненным лицом был именно тот, кого так часто проклинал мой бедный отец, кто выселил нас из родного гнезда и сам поселился на нашем месте! И все же, несмотря на всю ненависть мою, я не мог забыть, что он прошлую ночью, рискуя собою, спас мне жизнь; признательность за спасение жизни и ненависть за все пережитое горе боролись во мне. Мы сели за стол, и пока я утолял голод, мой новонайденный дядя объяснял мне все то, чего я не мог понять вчера.

– Я почти узнал вас с первого взгляда, – сказал он, – ведь я хорошо помнил вашего отца, когда он был молодым красавцем! Вы точная копия его, хотя без лести можно сказать, что вы красивее его. Имя вашего отца было одним из известнейших от Руана до моря. Вы, я думаю, согласитесь со мною, что я с первого взгляда узнал вас и что не особенно часто можно встретить блуждающим по берегу лиц с такой старой аристократической фамилией! Я только удивился, как вы сразу не узнали местности вчера ночью. Разве вы никогда не слыхали о потайном проходе в Гросбуа?

Я смутно помнил, что, будучи еще ребенком, слышал рассказ о подземном туннеле, у которого провалилась крыша, – что сделало его в то время совершенно бесполезным.

– Совершенно верно, – сказал дядя, – но когда замок попал в мои руки, то первым делом было вырыть новый туннель, потому что я предвидел, что в эти смутные времена он может быть очень полезен мне. Будь он починен своевременно, вашему семейству можно было бы гораздо легче и проще бежать отсюда.

Я вспомнил все, что сохранилось в моей памяти о тех ужасных днях, когда мы, владельцы этого округа, прошли по нему, как волки, гонимые толпившейся чернью, осыпавшей нас градом ругательств, грозившей нам кулаками и бросавшей в нас камнями! Я вспомнил, что предомной стоял именно дядя, исподтишка подготовивший катастрофу, воспользовавшийся этими тяжелыми днями, чтобы упрочить собственное благосостояние на развалинах нашего.

И когда я посмотрел на него, по его устремленным на меня глазам я догадался, что он читает все мысли, промелькнувшие в моем мозгу.

– Забудем прошлое, – сказал он, – то были ссоры прошлого поколения, а вы и Сибиль – представители нового!

Моя кузина и на это не проронила ни слова, она словно не замечала моего присутствия и при этих словах отца взглянула на меня так же враждебно, как и в первый раз.

– Ну, Сибиль, постарайся уверить его, что до тех пор пока ты жива, всем семейным недоумениям положен конец!

– Нам очень легко будет говорить об этом, отец! Не забывайте, что там, в зале, не ваш портрет висит и оружие это тоже не ваше. Мы владеем землей и замком, но теперь явился наследник Лавалей, и он может сказать нам, что он не особенно доволен происшедшей переменой!

Ее темные, полные презрения глаза вызывающе смотрели на меня, ожидая ответа, но я не успел открыть рта, как отец моей кузины поторопился вмешаться в наш разговор.

– Нельзя сказать, чтобы ты очень приветливо и гостеприимно встретила своего кузена, – резко сказал он. – Судьба дала нам в руки его имение, и не нам напоминать ему об этом.

– Он не нуждается в напоминаниях, – возразила она.

– Вы несправедливы ко мне! – воскликнул я, потому что очевидное презрение и нескрываемая неприязнь ко мне этой девчонки раздражали меня. – Правда! Я не могу забыть, что этот замок и земля – наследие моих предков. Я был бы бесчувственным человеком, если бы мог забыть это, но вы ошибаетесь, думая, что это воспоминание должно наполнить горечью мою душу. Я ничего лучшего не желаю, как собственными силами устроить свою судьбу и сделать карьеру!

– А теперь самый благоприятный для этого момент, – сказал дядя, – именно теперь готовятся важные события, и, если в это время вы будете при дворе Императора, я ручаюсь, что вы будете в центре событий. Ведь правда, вы согласны служить ему?

– Я стремлюсь служить своей родине!

– Это возможно только служа Императору, потому что без него снова настанет ужасная, гибельная анархия!

– Из всего услышанного вы можете видеть, что теперь нелегкая служба, – сказала моя кузина, – я думаю, вы гораздо спокойнее и безопаснее чувствовали бы себя в Англии, чем здесь.

Каждое ее слово, казалось, было сказано с целью оскорбить меня, хотя я совершенно не понимал: чем я мог вызвать эти оскорбления! Никогда еще я не встречал женщины, в которой я возбуждал бы такую ненависть и презрение к себе. Но я видел, что ее поведение задевало также и моего дядю Бернака, потому что его глаза все время, пока между нами шел разговор, гневно сверкали.

– Ваш кузен храбрый человек, вот все, что я о нем могу сказать! – воскликнул он.

– На какие дела? – колко спросила она.

– Не все ли равно! – злобно оборвал дядя. С видом человека, боящегося, что он не сможет совладать со своим гневом и скажет больше, чем нужно. Бернак соскочил со стула и выбежал из комнаты.

Она казалась встревоженной этим его движением и тоже встала, как будто желая последовать за ним.

– Я полагаю, вы никогда не встречались со своим дядей прежде? – сказала она после нескольких минут неловкого молчания.

– Никогда! – ответил я.

– Что же вы подумали, когда встретили отца?

Подобный вопрос дочери об отце поставил меня в тупик. Я понял, что он хуже, чем я даже предполагал, если стоит так низко в глазах близких и дорогих ему лиц.

– Ваше молчание – вполне определенный ответ, – сказала она, когда я колебался, не зная, что сказать. – Я не знаю, при каких обстоятельствах вы встретились с ним в прошлую ночь и что произошло между вами, потому что у нас не принято делиться своими тайнами. Я думаю, что вы вполне раскусили его! А теперь позвольте задать вам несколько вопросов. Получили ли вы письмо, приглашавшее вас покинуть Англию и приехать сюда?

– Да, я письмо получил!

– Обратили ли вы внимание на обратную сторону его?

Я вспомнил зловещие слова на печати, которые так взволновали меня.

– Так это вы предостерегали меня?

– Да! Я не могла иначе сделать этого.

– Но почему вы хотели воспрепятствовать моему приезду?

– Я не хотела, чтобы вы ехали сюда.

– Разве я мог повредить вам чем-либо?

Она молчала в течение нескольких минут, как человек, боящийся, что он сказал слишком много.

– Я боялась за вас!

– Вы полагаете, что здесь мне грозит опасность?

– Я в этом уверена.

– Но кто может угрожать мне здесь?

Она долго колебалась и потом с отчаянным жестом, как будто забывая всякую осторожность, снова обратилась ко мне:

– Бойтесь, бойтесь моего отца!

– Но какая цель ему вредить мне?

– Предоставляю угадывать это вашей проницательности.

– Но я уверяю вас, мадемуазель, что вы ошибаетесь, – сказал я, – этой ночью он спас мне жизнь.

– Спас вашу жизнь?! От кого?

– От двух заговорщиков, планы которых я попытался раскрыть.

– Заговорщики?!

Она удивленно взглянула на меня.

– Они убили бы меня, если бы он не вмешался!

– Не в его интересах нанести вред вам теперь. Он имеет свои основания желать вашего прихода в замок Гросбуа. Но откровенность за откровенность. Случалось ли вам во время вашей юности иметь сердечные связи в Англии?

Все, что говорила кузина, было в высшей степени странно, но такое заключение серьезного разговора превосходило все мои ожидания. Тем не менее я не колебался откровенностью заплатить за ее откровенность.

– Я покинул в Англии самое дорогое для меня существо! Имя ее – Евгения де Шуазель, она дочь старого герцога.

Мой ответ, казалось, доставил ей полное удовлетворение, в ее черных глазах отразилось удовольствие.

– Вы очень привязаны к ней? – спросила она.

– Я живу только ею и для нее!

– И вы ни на кого и ни на что не променяете ее?

– Господи! Да могу ли я даже подумать об этом?!

– Даже на замок Гросбуа?

– Даже на это!

Кузина протянула мне руку с каким-то искренним порывом.

– Забудьте мою холодность, – сказала она, – я вижу, мы будем союзниками, а не врагами.

И мы крепко пожали друг другу руки, как бы заключив союз, когда дядя снова вошел в комнату.

Глава VIII

Кузина Сибиль

На резком лице старика отразилось полное удовлетворение и отчасти удивление при виде этого знака нашего внезапного примирения. Его прежний гнев улегся, но, несмотря на ласковый тон его голоса, я видел, что кузина смотрела на него с недоверием.

– Мне необходимо заняться рассмотрением важных бумаг, – сказал он, – я буду занят часа на полтора. Вполне понятно, что Луи захочет осмотреть места, с которыми в его памяти связано так много воспоминаний, и я уверен, Сибиль, что ты будешь лучшим проводником для него, если, конечно, тебя не затруднит это.

Она ничего не возразила на это, я же в свою очередь был очень рад предложению дяди, тем более, что оно давало мне возможность поближе познакомиться с моей оригинальной кузиной, которая так много сказала мне и, казалось, знала еще больше. Но что могло значить это предостережение против ее же отца и почему она так стремилась узнать о моих сердечных делах? Эти вопросы особенно занимали меня.

Мы прошли по тисовой аллее, обошли весь парк и затем кругом всего замка, осматривая серые башенки и старинные с дубовыми рамами окна, старый выступ зубчатой стены с ее бойницами и новые пристройки с прелестной верандой, над которой группы цветущей жимолости образовали купол. И когда Сибиль показывала мне свои владения, я понял, как дороги эти места были для нее. Кузина шла с виноватым видом, словно оправдывалась, что хозяйкой здесь оказывается она, а не я.

– Как хорошо здесь, и как в то же время тяжело мне! Мы подобны кукушке, которая устраивает свое гнездо в чужом, выгоняя оттуда его обитателей. Одна мысль, что отец пригласил вас в ваш собственный дом, приводила меня в отчаяние.

– Да, мы долго жили здесь, – задумчиво ответил я. – Кто знает?! Может быть, и это все к лучшему: отныне мы должны сами пробивать себе дорогу!

– Вы говорили, что идете на службу к Императору?

– Да!

– Вы знаете, что его лагерь находится неподалеку отсюда?

– Да, я слышал об этом.

– Но ваша фамилия значится в списке изгнанников из Франции?

– Я никогда не пытался вредить Императору, а теперь я хочу просить его принять меня на службу.

– Многие зовут его узурпатором и желают ему всякого зла; но я уверяю вас, что все сказанное или сделанное им полно величия и благородства! Но я думаю, что вы уже сделали вполне англичанином в душе, Луи! Сюда вы явились с карманами, полными английских денег, и с сердцем, склонным к отмищению и к измене! Не так ли, Луи?

– В Англии я нашел самое теплое гостеприимство, но в душе я всегда был французом.

– Но ваш отец сражался против нас при Квибероне?!

– Предоставьте прошлому поколению отвечать за свои раздоры; по этому вопросу я держусь одного мнения с вашим отцом.

– Судите об отце не по его словам, а по его делам, – сказала она, в знак предостережения поднимая палец вверх, – и, кроме того, если вы не хотите иметь на своей совести мою гибель, умоляю вас, не говорите ему о том, что я предостерегала вас от приезда сюда!

– Вашу гибель?! – воскликнул я.

– О да! Он не остановится даже перед этим. Ведь он же убил и мою мать! Я не хочу сказать, что он действительно пролил ее кровь, но его жестокость и грубость разбили ее сердце! Теперь вы, я думаю, понимаете, почему я говорю так о нем.

И когда она говорила, я видел, что она коснулась самого больного места ее жизни. Горькая затаенная злоба, разраставшаяся в ее душе, теперь достигла своего апогея. Яркая краска румянца заливала ее смуглые щеки, и глаза Сибиль блестели такою ненавистью, что я понял нечеловеческую силу ее души!

– Я говорю с вами вполне искренно, хотя знаю вас всего несколько часов, Луи, – сказала она.

– С кем же вы могли говорить свободнее, чем с вашим близким родственником по крови и по духу?!

– Все это верно, но никогда не думала, что мы будем с вами в таких отношениях. Я с тоской и грустью ожидала вашего приезда! И эти чувства с новой силой восстали во мне, когда отец ввел вас в комнату.

– Да, это не укрылось от меня, – сказал я, – мне сразу стало понятно, что мой приезд не был вам желателен, и, сознаюсь, я испугался этого.

– Да, очень нежелателен, но не столько для меня, сколько для вас или, вернее, для нас обоих, – сказала она. – Для вас, потому что намерения моего отца не очень-то дружелюбны по отношению к вам. А для меня...

– Почему для вас? – удивленный, переспросил я, видя, что она остановилась в затруднении.

– Вы сказали мне, что любите другую; я со своей стороны скажу, что моя рука отдана другому вместе с моим сердцем.

– Мое счастье зависит от любимой женщины, – сказал я, – но все же почему это обстоятельство делает мой приезд нежелательным?

– Ну, знаете, кузен, насыщенный парами воздух Англии затуманил ясность вашего соображения, – сказала она. – Если уж на то пошло, буду откровенна с вами до конца и сообщу тот проект, который должен быть так же ненавистен как мне, так и вам! Знайте же, что если бы мой отец мог поженить нас, то он укрепил бы все свои права на землю за наследниками Гросбуа. И тогда ни Бурбоны, ни Бонапарты не были бы властны поколебать его положение.

Я вспомнил его заботливость о моем туалете сегодня утром, беспокойство его о том, произведу ли я благоприятное впечатление, его неудовольствие, когда он видел, что Сибиль холодна ко мне, и, наконец, довольную улыбку, озарившую его лицо при виде нашего примирения.

– Вы правы! – воскликнул я.

– Права? Конечно, права. Но будем осторожны, он следит за нами.

Мы шли по краю пересохшего рва, и когда я посмотрел по указанному направлению, в одном из окон я увидел его маленькое желтое лицо, обращенное в нашу сторону. Заметив, что я смотрю на него, Бернак приветливо замахал рукою.

– Теперь вы знаете, что руководило им, когда он спас вашу жизнь, как вы мне сказали, – проговорила она. – В его интересах женить вас на своей дочери, и потому он оставил вас в живых. Но если мой отец поймет, что это невозможно, о, тогда, мой бедный Луи, берегитесь, тогда ему, опасавшемуся возвращения де Лавалей, не останется ничего иного, как уничтожить их последнего представителя!

Эти слова и желтое лицо, караулившее нас из окошка, показали мне всю громадность грозившей мне опасности. Во Франции никто не мог принять во мне участия! Если бы я и вовсе исчез с лица земли, никто даже и не осведомился бы обо мне; следовательно, я был вполне в его власти. Все, что я видел сегодня ночью своими глазами, говорило мне о его жестокой беспощадности, и с этим-то зверем я должен был бороться!

– Но ведь он же знает, что ваше сердце принадлежит другому, – сказал я.

– Да, он знает это, и это мне тяжелее всего. Я боюсь за вас, за себя, но больше всего за Люсьена. Отец не позволит никому стать поперек своей дороги!

Люсьен! Это имя промелькнуло передо мною, как вспышка огня в темную ночь. Я много раз слышал о страстности и силе женской любви, но разве можно было предположить, чтобы эта гордая, сильная духом девушка любила то несчастное существо, которое я видел этой ночью трепетавшим от страха и унижавшимся перед своим палачом? Я вспомнил также, где я впервые видел имя Сибиль. Оно было написано на первом листе книги: «Люсьену от Сибиль» – гласила надпись. Я вспомнил также и то, что мой дядя говорил ему что-то о предмете его страсти.

– Люсьен – горячая голова и быстро увлекается, – сказала она. – В последнее время он много занимался чем-то с отцом; они по целым часам не выходили из комнаты, и Люсьен никогда не рассказывал, о чем они переговаривались между собой. Я боюсь, что это не доведет до добра: Люсьен скорее скромный ученый, чем светский человек, но в последнее время он слишком увлекается политикой!

Я не знал, молчать ли мне или показать весь ужас положения, в которое попал ее возлюбленный. Пока я колебался, Сибиль с инстинктом любящей женщины угадала, что происходило во мне.

– Вы знаете о нем что-нибудь? – почти крикнула она. – Я знаю, что он отправился в Париж. Но, ради бога, скажите, что вы знаете о нем?

– Его зовут Лесаж?

– Да, да, Люсьен Лесаж!

– Я... я... видел его, – запинаясь проговорил я.

– Вы видели его! А ведь не прошло еще двенадцати часов, как вы здесь. Где вы видели его? Что случилось с ним?

В припадке тревоги Сибиль схватила меня за руку. Было бы жестоко сказать ей все, но молчать было бы еще хуже. Я в смущении стал смотреть по сторонам и, к счастью, увидел на изумрудной лужайке дядю, приближавшегося к нам. Рядом с ним, гремя саблей и позвякивая шпорами, шел красивый молодой гусар, тот самый, на которого было возложено попечение об арестованном в прошлую ночь. Сибиль, не колеблясь ни минуты, с неподвижным лицом, на котором выделялись пылавшие как уголья глаза, бросилась к ним навстречу.

– Отец, что ты сделал с Люсьеном? – простонала она.

Я видел, как передернулось его бесстрастное лицо под этим полным ненависти и презрения взглядом дочери.

– Мы поговорим об этом впоследствии, – в замешательстве сказал он.

– Я хочу знать сейчас же и здесь! – крикнула она. – Что ты сделал с Люсьеном?

– Милостивые государи, – сказал Бернак, обращаясь к гусару и ко мне, – я очень сожалею, что заставил вас присутствовать при семейной сцене. Но вы, вероятно, согласитесь, лейтенант, что оно так и должно быть, если принять во внимание, что человек, арестованный вами сегодня ночью, был ее самым близким другом. Даже эти родственные соображения не помещали мне выполнить мой долг по отношению к Императору. Мне, конечно, было только труднее исполнить его.

– Очень сочувствую вашему горю, – сказал гусар.

Теперь Сибиль уже обратилась прямо к нему.

– Правильно ли я поняла? Вы арестовали Лесажа?

– Да, к несчастью, долг принудил меня сделать это.

– Я прошу сказать мне только правду. Куда вы поместили его?

– Он в лагере Императора!

– За что арестован Лесаж?

– Ах, мадемуазель, право же, не мое дело мешаться в политику! Мой долг – владеть саблей, сидеть на лошади и повиноваться приказаниям. Оба эти джентльмена могут подтвердить, что я получил от полковника Лассалья приказание арестовать Лесажа.

– Но что он сделал и за что вы его подвергли аресту?

– Довольно, мое дитя, об одном и том же, – строго сказал дядя, – если ты продолжаешь настаивать на этом, то я скажу тебе раз навсегда, что Люсьен Лесаж взят как один из покушавшихся на жизнь Императора и что я считал своей обязанностью предупредить преднамеренное убийство.

– Предатель, – вскрикнула девушка. – Ты сам посылал его на это страшное дело, сам ободрял, сам не давал вернуться назад, когда он пытался сделать это! Низкий, подлый человек! Господи, что я сделала, за какие грехи моих предков я обречена называть моим отцом этого ужасного человека?

Дядя пожал плечами, как будто желая сказать, что бесполезно убеждать обезумевшую девушку. Гусар и я хотели уйти, чтобы не быть свидетелями этой тяжелой сцены, но Сибиль поспешно остановила нас, прося быть свидетелями ее обвинений. Никогда я не видел такой всепожирающей страсти, какая светилась в ее сухих, широко раскрытых глазах.

– Вы многих завлекали и обманывали, но вы никогда не могли обмануть меня! О, я хорошо знаю вас, Бернак! Вы можете убить меня, как это сделали с моей матерью, но вы никогда не заставите меня быть вашей сообщницей! Вы назвались республиканцем, чтобы завладеть этими землями и замком, не принадлежавшими вам! А теперь вы стали другом Бонапарта, изменив вашим старым сообщникам, которые верили в вас! Вы послали Люсьена на смерть! Но я знаю ваши планы, и Луи тоже знает их, и смею вас уверить, что он отнесся к ним так же, как и я. А я лучше сойду в могилу, чем буду женою кого-нибудь другого, а не Люсьена.

– Ты не сказала бы этого, зная, каким жалким и низким трусом выказал себя Люсьен. Ты сейчас вне себя от гнева, но когда придешь в себя, сама будешь стыдиться, что публично призналась в своей слабости. А теперь, лейтенант, перейдем к делу. Чем могу служить?

– Я, собственно говоря, к вам, мсье Лаваль, – сказал мне гусар, презрительно поворачиваясь к дяде спиной. – Император послал меня за вами с приказанием немедленно явиться в лагерь в Булони.

Мое сердце захолонуло от радостной вести: я мог бежать от дяди!

– Не желаю ничего лучшего! – воскликнул я.

– Лошадь для вас и эскорт ожидают нас у ворот.

– Я готов следовать за вами!

– К чему такая поспешность, ведь вы, конечно, позавтракаете с нами? – сказал дядя.

– Приказания Императора требуют большой аккуратности в исполнении, – твердо сказал молодой человек. – Я и так потерял много времени. Мы должны быть в дороге через пять минут.

При этих словах дядя взял меня под руку и тихонько пошел к воротам, в которые только что прошла Сибиль.

– Я бы хотел переговорить с тобою об одном деле, прежде чем ты покинешь нас. Так как в моем распоряжении слишком мало времени, то начну с главного. Ты видел Сибиль, и хотя она несколько сурово обошлась с тобою сегодня утром, я могу тебя уверить, что она очень добрая девушка. По ее словам, она говорила тебе о моем плане. Я не знаю, что может быть лучше, чем повенчать вас, чтобы раз навсегда покончить с вопросом о том, кому принадлежит это имение.

– К сожалению, для осуществления этого плана имеются препятствия, – сказал я.

– Какие же именно?

– Прежде всего тот факт, что моя кузина любит другого и дала ему слово.

– О, это нас не касается, – со злобной улыбкой сказал он. – Могу поручиться, что Люсьен Лесаж никогда не предъявит своих прав на Сибиль!

– Боюсь, что и я смотрю на брак с точки зрения англичан! По-моему, нельзя жениться без любви, по расчету. Да, во всяком случае, о вашем предложении не может быть и речи, потому что я сам люблю другую молодую девушку, оставшуюся в Англии.

Он с ненавистью посмотрел на меня.

– Сначала подумай, что ты делаешь, Луи, – сказал он каким-то свистящим шепотом, похожим на угрожающее шипение змеи, – ты становишься мне поперек дороги. До сих пор это еще никому не проходило безнаказанно.

– К сожалению, в этом деле нет иного исхода!

Он схватил меня за руку и с жестом сатаны, показывавшего Христу царства и княжества, сказал:

– Смотри на этот парк, леса, поля. Смотри на этот старый замок, где твои предки жили в течение восьми веков! Одно слово, и все это снова будет твое!

В моей памяти пронеслась маленькая бледная головка Евгении, выглядывавшая из окошка ее милого маленького домика в Эшфорде, тонувшего в грациозной зелени.

– Нет, это невозможно! – воскликнул я.

Бернак понял, что я не шутил, его лицо потемнело от гнева, и слова убеждения он быстро сменил на угрозы.

– Если бы я знал это, я вчера ночью позволил бы Туссаку сделать с вами все, что он хотел; я не пошевелил бы пальцем, чтобы спасти вас.

– Очень рад, что вы сообщили мне это, потому что этим признанием вы сложили с меня необходимость быть вам обязанным. И я спокойнее теперь могу идти своей дорогой, не имея ничего общего с вами.

– Я не сомневаюсь, что вы не желаете иметь со мною ничего общего! – крикнул он. – Придет время, и вы еще больше будете желать этого. Прекрасно, сэр, идите своей дорогой, но и я пойду своей, и мы еще увидим, кто скорее достигнет цели!

Группа спешившихся гусаров ожидала нас у ворот. В несколько минут я собрал свои скудные пожитки и быстро пошел по коридору. Мое сердце сжалось при воспоминании о Сибиль. Как могу я оставлять ее здесь одну с этим ужасным человеком! Разве она не предупредила меня, что ее жизни здесь постоянно грозит опасность? Я в раздумье остановился: слышались чьи-то легкие шаги – это она сама бежала ко мне.

– Счастливый путь, Луи, – сказала она задыхающимся голосом, протягивая руки.

– Я думал о вас, – сказал я, – мы объяснились с вашим отцом, и между нами произошел полный разрыв!

– Слава Богу! – воскликнула она. – В этом ваше спасение! Но опасайтесь его: он везде будет преследовать вас!

– Пусть делает со мной, что хочет, но как вы останетесь в его власти?

– Не бойтесь за меня! Он имеет больше оснований опасаться меня, чем я его. Но, однако, вас зовут, Луи! Добрый путь! Господь с вами!

Глава IX

Лагерь в Булони

Дядя стоял в воротах замка, представляя собой типичного узурпатора. Под нашим собственным гербом из чеканного серебра с тремя голубыми птицами, выгравированными на камне по обеим сторонам герба, Бернак стоял не глядя, словно не замечая меня, пока я садился на поданную мне высокую серую лошадь. Но я видел, что из-под низко нависших бровей он задумчиво следил за мною, и его челюсти совершали обычное ритмическое движение. На его увядшем лице, в его глазах я читал холодную беспощадную ненависть. Я в свою очередь поторопился вскочить на лошадь, потому что его присутствие было слишком тяжело для меня, и я очень был рад возможности повернуться к нему спиной, чтобы не видеть его.

Раздалась короткая команда офицера, звякнули сабли и шпоры солдат, и мы тронулись в дорогу. Когда я оглянулся назад, на черневшие башенки Гросбуа и на мрачную фигуру, которая следила за нами из ворот, я вдруг увидел над его головой в одной из бойниц белый платок: кто-то махал им в знак последнего приветствия! Снова меня охватил холод при мысли, что эта бесстрашная девушка оставалась там одна, в таких ужасных руках. Но юность недолго предается грусти, да и кто был бы способен грустить, сидя на быстром, как ветер, скакуне, со свистом разрезая мягкий, но довольно свежий воздух.

Белая песчаная дорога, извивавшаяся между холмами, позволяла видеть вдалеке часть моря, а между ним и дорогой находилось соляное болото, бывшее местом наших приключений. Мне казалось даже, что я вижу вдали черную точку, указывавшую расположение ужасной хижины. Группа маленьких домиков, видневшихся вдали, представляла собою рыбацкие селения; к ним принадлежали и Этаплъ, и Амблетёз. Я видел теперь, что мыс, освещенный ночью сторожевыми огнями и дававший издали полную иллюзию раскаленного докрасна лезвия сабли, казался сплошь покрытым снегом от многочисленных палаток лагеря.

Далеко-далеко маленькое дымчатое облако плыло над водой, указывая мне страну, где я провел мою юность, эту дорогую мне по воспоминаниям страну, которая стала мила моему сердцу наравне с родиной.

Наглядевшись вдоволь на море и на холмы, я обратил свое внимание на гусаров, которые ехали около меня, образуя, как показалось мне, скорее стражу, чем эскорт. В составе патруля, который я видел прошлой ночью, равно как и теперь, в эскorte, все были знаменитые сподвижники Наполеона, его старые гвардейцы, и я с удивлением и любопытством смотрел на этих людей, стяжавших всемирную известность своей дисциплиной и примерной доблестью. Их внешний вид никоим образом не мог счесться выдающимся: одежда и экипировка гвардейцев были гораздо скромнее, чем у английской милиции в Кенте, которая проезжала по субботам через Эшфорд; их запачканные ментики, потертые сапоги, крепкие, но некрасивые лошади – все это делало их похожими скорее на простых рабочих, чем на гвардейцев. Это все были маленькие веселые смуглолицые молодцы с большими бородами и усами, многие из них имели в ушах серьги.

Меня поразило, что даже самый молодой из них, выглядевший совсем мальчиком, совершенно оброс волосами, но, присмотревшись внимательнее, я заметил, что его бакены были сделаны из кусочков черной смолы, приклеенной по обеим сторонам лица. Высокий молодой лейтенант заметил, с каким удивлением я рассматривал этого солдата.

– Да, да, – сказал он, – эти баки искусственные; но чего же другого можно ожидать от семнадцатилетнего мальчишки? А в то же время мы не можем допустить, чтобы у нас на парадах были такие безусые и безбородые солдаты!

– Смولا ужасно распалается в такую жару, лейтенант, – сказал гусар, вмешиваясь в разговор с той свободой, которая была очень заметна для наполеоновских войск.

– Хорошо, хорошо, Гаспар, года через два ты отделаешься от этого!

– Кто знает, быть может, через два года он отделается даже и от своей головы, – сказал один из капралов, и все весело расхохотались, что в Англии, за нарушение дисциплины, привело бы к военному суду.

Эта свобода обращения, по всей вероятности, была наследием революции; между офицерами и солдатами старой гвардии царили простота и свобода, свобода, усиливавшаяся еще тем, что сам Император просто относился к своим старым служакам и даровал им различные преимущества. Не было ничего необыкновенного в этих фамиллярностях между нижними чинами и офицерами, но с грустью должно сказать, что далеко не все солдаты правильно понимали подобные отношения, и нередко последствием фамиллярности являлись кровавые расправы солдат с их начальством. Нелюбимые офицеры были часто избиваемы подчиненными.

Достоверно известно, что в битве при Монтебелло все офицеры, за исключением лейтенанта 24-й бригады, были расстреляны своими подчиненными. К счастью, подобный факт является уже пережитком былых времен, и с тех пор, как Император установил строгие наказания за нарушения дисциплины, дух войска сильно поднялся.

История нашей армии свидетельствует, что можно обходиться без розог, употреблявшихся в войсках Англии и Пруссии, и едва ли не в первый раз доказывает, что умело дисциплинированные большие массы людей могут единодушно и в идеальном порядке действовать исключительно из чувства долга и любви к родине, не надеясь на награды и не боясь наказаний. Французы не боятся распустить своих солдат по домам; можно быть вполне уверенным, что все они явятся в час войны, ясно доказывая, насколько сильна дисциплина в этих людях. Но что еще более поразило меня в гусарах, сопровождавших меня, – это то, что они с трудом говорили по-французски. Я заметил это лейтенанту, когда тот поравнялся со мною, и поинтересовался их происхождением, так как, по-моему, они не были французами.

– Клянусь, я не советовал бы говорить им этого, – сказал он, – потому что ответили бы на это оскорбление ударами сабель. Мы составляем первый полк французской кавалерии, первый гусарский полк из Берчени, и хотя действительно многие из них эльзасцы, они такие же французы душою, как Клебер и Келлермен, которые также эльзасцы. Наши люди и офицеры все как на подбор, – прибавил он, отчаянно закручивая усы, – лихие служаки!

Слова лейтенанта очень заинтересовали меня; он приподнял слегка каску, поправил голубой ментик, спускающийся с плеча, поудобнее сел в седле и брякнул ножнами своей сабли, сразу выказывая этим свой пылкий восторг и гордость самим собою и своим полком. И когда я вглядывался в него, я видел, что он ничего не преувеличивал; в его смелой осанке виделась безграничная храбрость и мужество, тогда как его простые искренние глаза, казалось, говорили, что он мог быть хорошим товарищем. Он в свою очередь наблюдал за мною; лейтенант внезапно дотронулся слегка рукой до моего колена, озабоченно говоря:

– Я думаю, что Император останется доволен вами!

– Я не думаю, чтобы это могло быть иначе, потому что я приехал сюда из Англии с исключительной целью служить ему!

– Когда в рапорте последней ночи было упомянуто, что вы также находились в этом разбойничьем логове, он, казалось, был очень озабочен и думал, что вы не явитесь к нему. Может быть, он хочет, чтобы вы были нашим проводником в Англии. Вы, без сомнения, хорошо знаете дороги на острове?

По-видимому, гусар представлял себе Великобританию как один из тех островов, которые встречаются близ Бретани и Нормандии. Я сделал попытку объяснить ему, что Англия очень большая страна, ничуть не меньше Франции.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – мы отлично узнаем Англию, так как идем ее завоевывать. Ходят слухи, что в будущую среду вечером или в четверг утром мы будем в Лондоне. В

неделю мы завоюем Лондон, после чего армия разделится на две части, из которых одна пойдет на завоевание Шотландии, а другая – в Ирландию.

Его простота и наивность рассмешили меня.

– Почему вы думаете, что сможете сделать все это?

– О, Император сделает все!

– Но у них тоже армия, и вообще англичане прекрасно подготовлены!

– Англичане очень храбрые люди и умеют драться, но что они могут сделать с французами, раз с ними идет сам Император?! – воскликнул он, и из этого простого ответа я понял, как велика была вера французских войск в их вожда! Они доходили до фанатизма в своем преклонении перед гением Наполеона; он был для них пророком, и никогда никакой Магомет не воодушевлял своих последователей сильнее, чем этот человек, кумир, которого они обожали. Если бы кто-либо нашел в нем присутствие чего-то сверхъестественного, то многие не только признали бы это сами, но и стали бы в свою очередь доказывать с пеной у рта другим. Для вас, привыкших смотреть на него в изгнании – в соломенной шляпе, потерявшим все обаяние, каким он был в действительности в последние дни, – трудно понять его власть над ними! Надо было слышать его солдат, когда они приветствовали его восторженными криками, надо было видеть полные рабского обожания взоры, провожавшие Императора, чтобы вполне понять ту силу, которой он подчинил их себе.

– Вы были там? – спросил лейтенант, указывая по направлению облачка, все еще плывшего над водою.

– Да, я провел там свою юность!

– Но почему же вы оставались там, когда явилась такая широкая возможность служить родине?

– Мой отец был изгнан из Франции вместе с другими аристократами. Только после его смерти я мог предложить свои услуги Императору.

– Вы много потеряли, но я не сомневаюсь, что Франции еще много придется воевать. И вы думаете, что англичане не боятся нашей высадки?

– Они боятся, что вы не высадитесь!

– А мы боимся, что когда они увидят с нами самого Императора, то сразу сложат оружие и подрагаться не удастся! Я слышал, что у них очаровательные женщины?

– Есть очень красивые!

Он не сказал ничего и в течение нескольких минут старательно выгибал плечи и выпячивал грудь, покручивая свои маленькие светлые усы.

– Но они спасутся от нас в лодках, – пробормотал он, и я ясно видел всю картину маленького, незащищенного «островка», промелькнувшую в воображении воинственного лейтенанта. – Впрочем, если бы английские женщины увидели нас, они бы никуда не побежали, – самодовольно прибавил он. – Существует же поговорка, что берченские гусары заставляют бежать весь народ, но женщин к себе, а мужчин от себя. Вы, конечно, будете иметь случай убедиться, что наш полк отлично сформирован, а офицеры представляют собою олицетворение Марса, да и высшее начальство не уступит никому.

Лейтенант был, вероятно, одних лет со мною, и его самохвальство заставило меня поинтересоваться, когда и где он сражался. Он с неудовольствием потянул себя за усы при этом вопросе и угрожающим взглядом окинул меня.

– Я имел счастье участвовать уже в девяти сражениях и более чем в сорока мелких стычках! – сказал он. – Но я также много раз дрался на дуэли и смею уверить, что всегда готов доказать это и принять вызов даже и не от военного!

Я поспешил уверить лейтенанта, что ему очень повезло, так как, будучи столь юным, он уже испытал так много, и весь задор его моментально исчез.

Юный офицер разъяснил мне, что служил при Моро, участвовал в переходе Наполеона через Альпы и сражался при Маренго.

– Если вы пробудете некоторое время в солдатской среде, то, верно, не раз услышите имя Этьена Жерара, – сказал он. – Если не ошибаюсь, я имею право считать себя героем солдатских сказок, которые они любят слушать по вечерам. Вам расскажут о моей дуэли с шестью учителями фехтования или как я один атаковал австрийских гусар, унес их серебряные литавры и приторочил их к своему седлу. Уверяю вас, что вовсе не случайно я был назначен в дело и в прошлую ночь. Дело в том, что полковник Лассаль очень опасался тех республиканцев, которых мы рассчитывали взять. Но совершенно неожиданно все изменилось, и на мое попечение был отдан этот ничтожный человечешко с храбростью цыпленка, которого я арестовал по приказанию начальства.

– А тот, другой, Туссак?

– Ну, этот не таков! Я не желал бы ничего лучше, как насадить его на кончик моей сабли. Но он бежал. Солдаты напали было на его след и даже пытались стрелять по нему, но он слишком хорошо знает местность, и они не могли следовать за ним по болоту.

– А что сделают с арестованным вами заговорщиком?

Лейтенант Жерар пожал плечами.

– Я очень сочувствую вашей кузине, – сказал он, – но такая чудная девушка не должна любить такого труса! Ведь есть же много красивых и доблестных людей в офицерской среде. Я слышал, что Император утомлен этими бесконечными заговорами, и, кажется, первый пример острастки будет произведен над этим преступником.

Разговаривая таким образом, мы все двигались вперед по широкой дороге, пока наконец не приблизились почти вплотную к лагерю. Мы скакали по дороге, лежавшей гораздо выше лагеря, так что перед нами как на ладони разворачивалась пестрая картина лагерной жизни – бесконечные ряды лошадей, артиллерия, толпы солдат. Посередине находилось свободное место с большой палаткой в центре, окруженной группой низеньких деревянных домиков; над этой палаткой развевался трехцветный флаг.

– Это главная квартира Императора, а деревянные домики – главная квартира маршала Нея, командира этого корпуса. Вы должны знать, что это только одна из нескольких армий, расположенных значительно севернее, а эта последняя на юге. Император переходит из одной в другую, везде все контролируя сам. Но здесь его лучшие войска, так что мы чаще всех видим его, в особенности когда императрица с двором приезжает в Понт-де-Брик. Он здесь и в настоящее время, – прибавил он, понижая голос и указывая мне на большую белую палатку в центре.

Дорога к лагерю шла через обширную долину, совершенно загроможденную полками кавалерии и пехоты, которые в это время маневрировали и производили различные учения. Мы так много слышали в Англии о войсках Наполеона, и их подвиги казались нам столь необыкновенными, что мое воображение рисовало мне этих людей как необыкновенных. На самом же деле пехотинцы в синих сюртуках и белых рейтузах и штиблетах были самые обыкновенные люди, и даже их высокие шапки с красными перьями не придавали им особой внушительности. Но, несмотря на малый рост, за восемнадцать месяцев, проведенных в боях, эти молодцы достигли высшей степени совершенства в военном деле. В рядах войска было уже много ветеранов; все унтер-офицеры довольно потрудились на своем веку, да и лица, стоявшие во главе этих войск, вполне заслуживали доверия, так что англичане имели серьезные основания опасаться их угрожающих взоров, устремленных на отдаленные утесы Великобритании.

Если бы Питт не поместил английский флот, лучший во всем мире, между этими двумя берегами пролива, вероятно, история Европы была бы иною теперь! Лейтенант Жерар, видя, с каким интересом я следил за ученьем солдат, очень охотно удовлетворил мое любопытство, называя по именам те полки, к которым мы приближались.

– Эти молодцы на вороных лошадях с большими голубыми чепраками – кирасиры, – сказал он. – Они настолько тяжелы, что могут ехать только галопом, так что при атаке, кроме них, необходимо иметь отряд гусар.

– Кто теперь занимает высший пост в генеральном штабе?

– Там главенствует генерал Сен-Сир, которого зовут спартанцем с Рейна. Он убежден, что простота жизни и одежды – одна из лучших черт солдата, и на этом основании не признает никакой формы, кроме синих сюртуков, как вот эти. Сен-Сир – прекрасный офицер, но он не пользуется популярностью, главным образом потому, что его вообще редко видят; он часто запирается на целые дни в своей палатке, чтобы предаться игре на скрипке. Кроме того, Сен-Сир невероятно требователен к солдатам! Ну а я нахожу, что если солдат и пропустил другой раз добрый стакан вина, чтобы промочить горло, или же захочет пофрантить в неформенном мундире, украшенном побрякушками, то это совсем уж не такая большая вина. Признаюсь откровенно, я и сам выпить не прочь и пофрантить люблю, и те, кто знает меня, вам скажут, мешало ли это когда-нибудь моей службе. Вы видите вдаль эту пехоту?

– Люди с желтыми обшлагами?

– Совершенно верно! Это знаменитые одиотские гренадеры, а вон те, рядом с ними, с красными наплечниками и с меховыми шапками, возвышающимися над ранцами, – императорский конвой, остатки старой консульской гвардии, действовавшей при Маренго. Тысяча восьмьсот человек из них получили отличия в этой битве! Вот это 57-й линейный полк, который зовется Ужасным, а это седьмой полк легкой инфантерии; солдаты эти были в Пиринеях и известны как лучшие ходоки и разведчики в армии. Легкая кавалерия вон там, во всем зеленом, – это охотничьи команды из гвардии, их зовут иногда сторожами, – любимый полк Императора, хотя я считаю, что он ошибается, предпочитая их нам. Та другая группа кавалерии с зелеными кафтанами – тоже охотники, но я не знаю, какого полка. Их командир управляет ими превосходно! Они теперь приближаются к флангу расположения войск развернутым фронтом полуэскадронами, а затем вытягиваются в линию для атаки. Даже мы не смогли бы лучше проделать этот маневр! А теперь, мсье де Лаваль, мы уже в лагере в Булони, и мой долг обязывает меня доставить вас прямо в главную квартиру Императора.

Глава X

В приемной Наполеона

В Булонском лагере в это время находилось до ста тысяч пехоты и около пятидесяти тысяч кавалерии, так что население этого местечка было вторым, после Парижа, между остальными городами Франции. Лагерь разделялся на четыре отдела: правый лагерь, левый лагерь, лагерь Вимерез и лагерь Амблетёз; все они занимали около мили в ширину и простирались по берегу моря на семь миль. Лагерь не был защищен с внутренней стороны, но со стороны моря его защищали батареи, в которых, в числе других нововведений, были пушки и мортиры невиданной дотоле величины.

Эти батареи были расположены на высоких прибрежных утесах, что, конечно, еще более увеличивало их значение, давая возможность осыпать разрывными снарядами палубы английских кораблей. Приятно было ехать через лагерь: ведь эти люди жили в палатках больше года и постарались приукрасить их как можно лучше. Большинство из палаток было окружено садиками, и мы видели, проезжая мимо, как эти brave загорелые молодцы копались у себя в цветочных грядках с кривыми садовыми ножами или лейками в руках.

Другие сидели, греясь на солнышке при входе в палатки, очищая свои кожаные кушаки или протирая дула ружей, едва отрываясь на минуту, чтобы бросить на нас мимолетный взгляд, потому что кавалерийские патрули были рассеяны по всем направлениям. Бесконечные ряды палаток образовали целые улицы, и название каждой красовалось на досках, прибитых кое-где на углах близ палаток. Так мы проехали через улицу Д'Арколя, улицу Клебера, Египетскую улицу и наконец через улицу Летучей кавалерии, выехали на центральную площадь, где находилась главная квартира армии.

В это время Император жил в деревушке Понт-де-Брик, в нескольких милях от лагеря, но все дни он проводил здесь, и военные советы всегда собирались здесь. Здесь также он виделся со своими министрами и генералами, рассеянными по берегу моря и являвшимися к нему с рапортами или за получением новых приказаний. Исключительно для этих совещаний был выстроен большой деревянный дом, заключавший в себе одну большую и три маленькие комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.